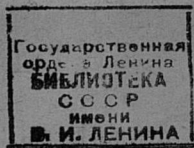

0 18 / 167

11372-49

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 1.

1901 г.

Января 1-го.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Распоряженія Правительства.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Само-держца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Преосвященному Алексію, Епископу Вятскому и Слободскому, отъ 28 Декабря 1900 года за № 8754, о бытіи первому викарію Вятской епархіи, Преосвященному Сарапульскому Никодиму Епископомъ Приамурскимъ и Благовѣщенскимъ.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Свя-тѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный, въ 17 день сего Декабря, всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи первому викарію Вятской епархіи, Преосвященному Сарапульскому Никодиму Епископомъ Приамурскимъ и Благовѣщенскимъ. Прибазали: объ изъясненномъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ докладѣ Святѣйшаго Синода объявить Вашему Преосвященству указомъ, съ предписаніемъ, чтобы Вы сдѣлали распоряженіе о принятіи отъ Преосвященнаго Никодима всего, что къ передачѣ отъ него по званію перваго Викарія Вятской епархіи слѣдовать будетъ.

Перемѣны по службѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Приказомъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода: 1) на вакансію учителя русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшіе классы Глазовскаго духовнаго училища опредѣлень, 9 ноября 1900 года, кандидатъ Казанской духовной Академіи **Алексѣй Боголюбовъ**, и 2) учитель Вятскаго духовнаго училища **Алексѣй Дергачевъ** перемѣщень, 16 ноября 1900 г., на должность преподавателя греческаго языка въ Пермскую духовную семинарію, а на его мѣсто учителемъ греческаго языка въ штатные классы Вятскаго духовнаго училища перемѣщень того же числа преподаватель Елабужскаго епархіальнаго женскаго училища **Владиміръ Ронгинскій**.

Назначеніе пенсіи.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 10-16 ноября 1900 года за № 4730 назначена бывшему учителю Вятскаго духовнаго училища, надворному совѣтнику, **Аркадію Воскресенскому** пенсія по *четыреста двадцати руб. въ годъ* к, и, сверхъ сего, пожизненное *пособіе* въ размѣръ *восемьдесятитри руб. въ годъ*, съ производствомъ съ 4-го сентября 1900 г., со дня увольненія Воскресенскаго отъ службы.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

П Е Р Е М Ъ Н Ы П О С Л У Ж Б Ъ .

Учитель Ново-Мултанскаго двухкласснаго земскаго училища, студентъ Вятской духовной семинаріи **Аполлонъ Овчинниковъ** опредѣлень на должность наблюдателя церковно-при-

ходскихъ школъ по Елабужскому уѣзду, съ возведеніемъ въ санъ священника и съ причисленіемъ его сверхъ штата къ Елабужскому собору, —18 декабря.

Опредѣлены: на священническія мѣста—состоящій на діаконской вакансіи въ с. Русановъ, Орлов. у., священ. **Василій Поповъ** во вновь открытое село Большую Малышовшину, Орлов. уѣз.,—22 декабря; окончившій курсъ въ Вятской духовной семинаріи **Михаилъ Крестьяниновъ** въ с. Сырчань, Нолинск. у.,—2 января.

На діаконскія мѣста: состоящій на псаломщической вакансіи въ с. Троицкомъ, Кот. у., діаконъ **Андрей Стефановъ** въ с. Поломъ, Глаз. у.,—18 дек.

На псаломщическія мѣста: отрѣшенный отъ мѣста, запрещенный въ священнослуженіи, священникъ с. Вятскаго, Яран. у., **Неофитъ Анцыгинъ** въ с. Молотниково, Кот. у.,—7 дек.; бывший воспитанникъ 2 класса Вятской духовной семинаріи **Феодоръ Еланскій** допущенъ къ исполненію должности псаломщика къ Воскресенской церкви Холуницкаго завода—12 дек.; исправл. должность церковника при Малышевской церкви, Орлов. у., **Іоаннъ Васнецовъ** допущенъ къ исправленію должности псаломщика во вновь открытый приходъ при той же церкви—14 дек.; послушникъ Сарапульскаго Старцевогорскаго монастыря **Алексѣй Пихтовниковъ** допущенъ къ исправленію должности псаломщика къ Перевозинской единовѣрческой церкви—5 декаб.; церковникъ сельца Яковлева, Елаб. у., **Константинъ Поликарповъ** исправляющій долж. псаломщика въ с. Троицкое, Елаб. у.,—13 дек.; бывший учитель Краснорѣчинской церковно-приходской школы, Яран. у., **Николай Шишкинъ** въ с. Соловецкое, Орлов. у.,—21 декаб.

Перемѣщены: священникъ с. Покровскаго, Кот. у., **Михаилъ Зоринъ** въ с. Богородскія Поляны, Яран. у.,—14

декабря; діаконъ с. Полома, Глаз. у., Всеволодъ Снигиревъ на псаломщическую вакансію въ с. Верхнюю Кумену, Вят. у., —19 дек.; псаломщикъ с. Троицкаго, Елаб. у., Николай Овчинниковъ въ с. Можгу, Елаб. у., —13 декаб.; священникъ с. Сырчана, Пол. у., Василій Шерстенниковъ на діаконскую вакансію въ с. Мушковой, Малм. у., съ откомандированіемъ для служенія въ новооткрываемое село Чеканъ, Малм. у., —20 дек.; священникъ с. Верхолѣмья, Глаз. у., Іоаннъ Мосуновъ въ с. Юледуръ, Урж. у., —23 декабря.

Священникъ с. Вятскаго, Яран. у., Неофитъ Анцыгинъ рѣшеніемъ Епархіальнаго Начальства 7 сего декабря отрѣшенъ отъ священническаго мѣста съ запрещеніемъ священнослуженія.

Умерли: священникъ с. Новогорскаго, Елаб. у., Николай Анисимовъ—11 декаб.; священникъ с. Верхосунья, Ноллинскаго уѣз., Михаилъ Игнатьевъ—31 декаб.

С в о б о д н ы я м ѣ с т а :

Священническія: въ селахъ: Верхолѣмь, Глаз. у.; Покровскомъ, Котел. у.; Большой Норь, Бурановъ, Галановъ, Бельчинъ, Полозовъ и Шарканъ, Сарап. уѣзда; Александровскомъ, Костенѣевъ, Новогорскомъ, Елаб. у.; Старомъ Мултанъ, Малм. у.

Діаконскія: въ селахъ: Русановъ, Орл. у.; Еловъ, Бачкъ, Костенѣевъ, Удаловкъ, Елаб. у.; Верхней Слудкъ, Дерюшевъ, Брызгаловъ, Новомъ Бурцъ, Черемисскомъ, Малмыжъ и Мултанъ, Малм. у.; Арзамасцевъ, Чегандахъ, Выѣздъ, Мазунинъ и Яромазкъ, Сарап. у.

Псаломщическія: въ селахъ: Верхобѣль, Глаз. у.; при Христорожественской церкви Шурминскаго завода 2, Верхоушвуръ и Старомъ Торьялъ, Урж. у.; Исаковкъ, Слоб.

уѣзда; Верходворьѣ и Чудиновѣ, Орлов. у.; Быстровскомѣ, Покровскомѣ, Троицкомѣ, Котел. у.; Черемисской Лисѣ, Яран. уѣзда; Алнашахѣ, Елаб. у.; Дебессахѣ, Малой Пургѣ, Большой Норѣ, Нылги-Вамѣ, Бурановѣ, Козловѣ и Якшурѣ — Бодѣ, Сарап. у.; Кизнери, Малм. у.

Награжденіе набедренникомъ.

Священникъ вновь открытаго села Малышевскаго, Орловскаго уѣзда, Василій Половъ, по вниманію къ отличному о его службѣ, заслугахъ и поведеніи отзыву благочиннаго, Преосвященнѣйшимъ Алексіемъ, Епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ, 22 декабря 1900 года, награжденъ *набедренникомъ*.

Присоединеніе къ православію.

Въ 1900 году присоединены къ Православной Церкви:

А., изъ магометанъ: а) крестьянина изъ татаръ, Малмыжскаго уѣзда, Мериновской волости, дер. Пенигерь-Ціарь Нафика Валетова дочь, дѣвица Фатиха, 17 л., съ нареченіемъ имени во св. крещеніи Анна, — 24 марта; и б) крестьянина изъ башкиръ, Уфимской губерніи, Мензелинскаго уѣзда, Семіостровской волости, дер. Кузякиной Абдуль-Фаттахъ Абдуль-Ментяфова сынъ Абдуль-Вахитъ, 21 г., — во св. крещеніи Стефанъ, — 6 апрѣля.

Б., изъ язычниковъ: 1) изъ черемисъ: а) крестьянина, Малмыжскаго уѣзда, Малорожкинской волости, дер. Кинери Алея Яштемирова дочь, дѣвица Истыбей, 20 л., — во св. крещеніи Елена, — 25 мая; б) крестьянинъ того же уѣзда,

Сардыкбашской волости, дер. Алдаровой Иванъ Михайловъ Котельниковъ, 15 л.,—во св. крещеніи Іоаннь,—18 іюня;
2) изъ вотяковъ—вдова крестьянина того же уѣз., Ципьинской волости, дер. Тогашура Туктара Аскеева,—Биксула Осипова, 30 л.,—во св. крещеніи Екатерина; и дѣти ея: Кузьма 4 л.,—во св. крещеніи Козьма, и Дарья, 2 л.,—во св. крещеніи Дарія,—12 ноября.

С В ъ Д Ѣ Н І Я

о количествѣ пожертвованій поступившихъ на постройку новой каменной колокольни при Всѣхсвятской церкви города Вятки съ указаніемъ лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованія.

Съ 1-го ноября по 7-е декабря сего 1900 г. поступило пожертвованій: отъ мѣщанина Александра Дмитріевича Рукотойникова—5 р., отъ крест. Алексѣя Никитича Клабукова собранныхъ имъ отъ разныхъ извѣстныхъ ему лицъ—20 р., отъ Петра Хрисанфовича Нелюбина—10 р. и собранныхъ имъ: отъ Н—72 р. 70 к.; крест. Маріи Ивановны Потаповой—10 к., Н—50 к., Н—20 к., брестьянъ: Василия Бздюлева—20 к., Стефана Петровича Попова—20 к., Ильи Андреевича Онемохина—10 к., Ивана Кирсановича Семенова—20 к., всего 12 р. 20 к.; отъ купца Ивана Сергѣевича Стрижева—3 р., надворнаго совѣтника Михаила Фокеича Дерябина—50 р., благочиннаго о. Петра Чемоданова—3 р., купца Василия Алексѣевича Клабукова—10 р. и собранныхъ имъ: отъ Клабуковой Елизаветы Ивановны—5 р., Клабуковой Елены Васильевны—3 р., Михаила Клабукова—3 р., Кашина Н.—2 р., всего 25 р.; мѣщанина Петра Петровича Гвоздева—2 р. и отъ неизвѣтнаго—1 р., всего 3 р.; отъ служащаго въ почтово-телеграфной конторѣ Петра Павловича

Устьянцева—3 р. и собранныхъ имъ: отъ Колескина—10 к.,
Евгенія Алекс. Буркова съ Тамарой и Екатериной—50 к.,
Александры и Вѣры Матвѣевыхъ—25 к., Николая Бушме-
лева съ семействомъ—25 к., Яковлева и Вѣры—25 к.,
Левашева и Ольги—25 к., Георгія и Наталіи—15 к., Ва-
силія Андреева Виноградова—50 к., Дмитрія Шустова—15 к.,
Θеодосія Жаворокского—25 к., Александра Малыхъ—25 к.,
Ивана Ларшина—20 к., Валентины и Павлы Звlaina—25 к.,
Матвѣя Шамина—25 к., Николая Шишкина—50 к., Ми-
хаила Крушникова—15 к., Николая Казаринова—20 к.,
Аркадія Меньшикова—15 к., Владиміра Ложкина—15 к.,
Матвѣя Вадиковскаго—50 к., Василія и Надежды Кондратье-
выхъ—25 к., Маріи Домрачевой—1 р., Аркадія Θаворскаго—
20 к., Михаила Θокина—15 к., Александра Казакова—25 к.,
Дмитрія Плотовскаго—15 к., Владиміра Попова—25 к., Петра
Колоскина—15 к., Мокроусова—10 к., Н—9 к., Павла Сча-
стливцева—15 к., Михаила и Елены Авраамовыхъ—1 р.,
Ивана Отарскаго—15 к., Павла и Александры Жилиныхъ—
50 к., Петра и Параскевы Навалихиныхъ—15 к., Алексѣя
Борисовича Главизнина—10 к., и Тикова—10 к.,—всего
13 р.; отъ священника Іоанна Сычугова—5 р. 30 к., свя-
щенника Алексѣя Васнецова—5 р., земскаго начальника Бен-
даржевскаго—3 р. 25 к. и собранныхъ имъ: отъ Василія
Аѳонасьевича Копылова—1 р., Ивана Сулова—1 р., Ивана
Романовича Вшивцева—1 р., отъ неизвѣстнаго—50 к., то-
же—25 к., всего 7 р.; отъ потомственнаго почетнаго граж-
данина Тихона Филипповича Булычева—500 р., отъ о. бла-
гочиннаго Александра Шерстенникова—1 р., и отъ подвѣдо-
маго ему духовенства—причтовъ сель: Космодаміанскаго—
20 к., Русскаго Турека—10 к., Шурминскаго завода Але-
ксандро-Невской церкви—20 к., села Петропавловскаго—50 к.,
Рождественскаго—40 к., Цѣпочкина—20 к., Ашлани—20 к.,

Русскаго-Билимора—20 к., Пустополя—20 к., Лопіала—25 к., Большеройскаго—30 к., Ръшетникова—30 к., Шурмы завода Христорожественской церкви—50 к., села Буйско-Архангельскаго—20 к., и учителя Вершинятскаго училища Александра Яковлева—25 к.,—всего 5 р.; отъ мѣщанина Павла Яковлева Багаева—1 р., и собранныхъ имъ: отъ Алексѣя Зубилова—1 р., Василия Валенина—1 р., Ивана Новикова—1 р., Николая Базунова—1 р., Василия Дятлова—1 р., Петра Пономарева—1 р., Евдокіи Вагановой—1 р., Александра Пономарева—1 р., Петра Цѣпелева—1 р., Полякова Θεодора—30 к., Трапезникова Ивана—50 к., Баранова Василия—50 к., Ускова Ильи—50 к., Жукова Василия—50 к., Плотникова Михаила—1 р., Ксенофонта Монахова—25 к., Іоанна Силатьева—1 р., Коновалова Павла—50 к. и Новоселова Алексѣя—50 к.,—всего 15 р. 55 к.; отъ Вятскаго купца Александра Иванова Столбова собранныхъ имъ: отъ крестьянина Николая Иванова Счастливцева—50 к., отъ неизвѣстнаго—20 к., отъ Алексѣя Θεодосовича Палкина—20 к., купеческой жены Евдокіи Антоновны Столбовой—1 р., Б. Столбова—20 к., Грѣхова Павла—10 к., Василия Θεодоровича Столбова—25 к. и отъ нѣсколькихъ лицъ—55 к., всего 3 р.; изъ г. Горбатова, Нижегородской губерніи, отъ неизвѣстнаго лица—20 к., отъ о. благочиннаго Вятскихъ градскихъ церквей протоіеря Петра Яковлевича Порфирьева собранныхъ имъ отъ Вятскаго духовенства: Каѳедральнаго протоіеря Гаврііла Порфирьева—2 р., протоіеревъ: Петра Александрова—1 р., Петра Юферева—1 р., Іоанна Кострова—1 р., Василия Мышкина—1 р., Александра Люминарскаго—1 р., Петра Порфиріева—1 р., Іоанна Тепляшина—1 р., священниковъ: Алексѣя Серафимова—1 р., Андрея Попова—1 р., Василия Моломина—1 р., Николая Орлова—1 р., Михаила Добрынина—1 р., Веніамива Тихоницкаго—1 р., отъ неизвѣстнаго—2 р., Тимофея Гаркунова—1 р., Петра Жи-

тина—1 р., Павла Лаженицына—1 р., Иоанна Вершинина—1 р., Иоанна Сунцова—1 р., Николая Порфириева—1 р., Александра Бехтерева—1 р., Николая Лебедева—1 р., Александра Фокина—1 р., Николая Россихина—1 р., Александра Чернышева—1 р., Дмитрія Логинова—1 р., Михаила Смирнова—1 р., Алексѣя Васнецова—50 к., Николая Тихвинскаго—1 р., протодіакона Антонія Знаменскаго—1 р., діаконъ: Иоанна Двинянинова—1 р., Ѳеодора Капчачинскаго—25 к., Александра Ардашева—50 к., Александра Руфина—25 к., Николая Попова—25 к., Николая Пинегина—50 к., Константина Молчанова—50 к., Иоанна Луппова—50 к., Николая Курочкина—1 р., Георгія Сырнева—1 р., и псаломщика Павла Блинова—10 к.,—всего 36 р. 35 к.; отъ земскаго начальника Евгенія Петровича Базилевскаго собранныхъ имъ отъ крестьянъ: Якова Ивановича Соловьева—20 коп., Андрея Матвѣевича Заливахина—15 к., Романа Евдокимовича Колесникова—10 к., Василя Евдокимовича Чернышева—10 к., Степана Павловича Ханжина—20 к., Николая Андреевича Шуштагова—10 к., Андрея Гавріиловича Сазина—50 к., Семена Ивановича Кривоносова—10 к., Павла Алексѣевича Ѳалалѣева—20 к., Егора Данилова Усова—10 к., Ѳеодора Петровича Суровцева—10 к., Алексѣя Ивановича Санникова—2 р., Сергѣя Анавіевича Шишкина—50 к., Григорія Степановича Созина—25 к., Василя Ѳеодоровича Кощеева—20 к., Николая Свистунова—20 к., Захара Никитича Рѣшетникова—5 к., К. Г. Васильева—10 к., К. Башкирова—10 к., Алексѣя Ивановича Зайцева—5 р., Василя А. Бир.—1 р., Миронова М.—10 к., Данила Ошуркова—20 к., Абилины Максимовой—30 к., и Ивана Звѣрева—30 к.,—всего 12 р. 15 к.; отъ земскаго начальника Оттона Александровича Забудскаго, собранныхъ имъ отъ крестьянъ: Николая Яковлевича Шабалина—1 р., Терентія Гырдымова—25 к., Петра Хлѣбникова—10 к., А. Ебреговскихъ—50 к.,

Измалкова—20 к., Петра Радгина—15 к., Василия Ложкина—5 к., Анны Зарѣцкой—20 к., Романа Барачева—20 к., Заболотскаго—50 к., Норина—20 к., Мальцева Сим.—10 к., Николая Двинскихъ—20 к., Тимофея Ворожцова—15 к., Петра Соломина—20 к., и г. Забудской—1 р.,—всего 5 руб.

Итого поступило въ строительный комитетъ пожертвованій на постройку колокольни при Всѣхсвятской церкви г. Вятки съ 1-го ноября по 7-е декабря 1900 года 730 р. 75 к., а съ прежде поступившими 329 р. 60 к. (отъ вдовы—жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ирины Филипповны Шестаковой—200 руб.; надворнаго совѣтника Александра Александровича Кибардина—100 руб. и другихъ благотворителей—29 руб. 60 коп.) одна тысяча шестьдесятъ рудлей тридцать пять копѣекъ (1060 р. 35 к.).

Строительный комитетъ по постройкѣ колокольни при Всѣхсвятской церкви г. Вятки долгомъ считаетъ выразить вышепоименованнымъ жертвователямъ свою сердечную **благодарность**.

Предсѣдатель строительнаго комитета при Вятской градской Всѣхсвятской церкви, священникъ Николай Серебренниковъ.

На рапортъ предсѣдателя строительнаго комитета, священника Николая Серебренникова, съ представлениемъ сихъ свѣдѣній, резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Алексія послѣдовала такая: „*Призываю Божіе благословеніе на благотворителей съ выраженіемъ имъ благодарности*“.

В О З В А Н І И

къ пожертвованію на постройку церквей по линіи Сибирской жел. дороги отъ комитета Сибирской жел. дороги.

Лѣтомъ настоящаго года шайки мятежныхъ китайцевъ открыли враждебныя дѣйствія противъ Россіи. По ВЫСОЧАЙШЕМУ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА повелѣнію объявлена была мобилизація въ Сибири. Неустрашимо пошли впередъ на боевое крещеніе молодые Сибирскія войсковыя части. Рядомъ славныхъ подвиговъ ознаменовалось побѣдоносное шествіе сибирскаго казака и солдата по владѣніямъ поднебесной Имперіи. Но не дешево досталась побѣда надъ несмѣтными китайскими полчищами, — нѣкоторые изъ храбрыхъ борцовъ положили свою жизнь за ЦАРЯ и Отечество на бранныхъ поляхъ въ иновѣрной странѣ.

Возвращаются теперь побѣдоносныя войска на родину и поспѣшатъ герои китайской войны и ихъ семьи въ храмы Божіи молиться за усопшихъ и умиленнымъ сердцемъ благодарить Бога за спасеніе избѣжавшихъ вражескихъ ударовъ отцевъ и братьевъ своихъ.

Но, нѣтъ, не всѣмъ дана такая радость христіанская! Вернутся покрывшіе себя боевою славою Сибирскіе воины въ свои заброшенныя въ снѣжныхъ равнинахъ глухіе поселки, и во многихъ мѣстахъ негдѣ будетъ имъ и ближнимъ ихъ благодарить Господа Бога за свое спасеніе и возносить молитвы о братьяхъ, на брани животь свой положившихъ.

Вспомнимъ это, Православные, въ Великій Праздникъ Рождества Христова!

Пожертвованія на постройку начатыхъ Сибирскихъ церквей и сооруженіе новыхъ храмовъ въ Сибири принимаются въ канцеляріи Комитета Министровъ. С.-Петербургъ. Маріинскій Дворецъ.

Милостию Божією, молитвами любящаго своего народа возсталъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЬ отъ болѣзни.

Чье сердце не билось тревожно во дни недуга ЦАРЯ, чье сердце радостно не бьется нынѣ при желанной вѣсти о Его выздоровленіи!

Къ Богу, Тому Богу, Которымъ царствуютъ Цари, обращаются въ настоящую минуту мысли и сердца съ благодареніемъ за явленную Россіи милость.

Чѣмъ же ознаменовать людямъ вѣрноподаннымъ и благочестивымъ эту благодарность свою, какой достойный даръ принести Владыкѣ міра?

Въ далекой Сибири грустно стоятъ недостроенные храмы; не отсутствіе усердія у окрестнаго населенія, отсутствіе средствъ — тому причиною. Съ крайняго востока, изъ Уссурийскаго края проситъ Архипастырь о помощи въ сооруже-ніи четырехъ новыхъ церквей. Доносятся молящія зовы переселенцевъ, закинутыхъ въ сотняхъ верствъ отъ Дома Божія въ лѣсистыя дебри Томской и Енисейской губерній и въ безконечныя степи Акмолинской области.

Не благовременно ли въ настоящіе дни сердечнаго умиленія и благодарности отозваться на эти мольбы и нужды и вспомнить, что ничего не можетъ быть чище и святѣе, какъ знаменоватъ свою благодарность Богу и Угодникамъ Его сооруже-ніемъ въ честь Ихъ храмовъ!

Одесса на этихъ дняхъ положила основаніе церковно-стройтельству въ память выздоровленія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Да послѣдуютъ этому примѣру всѣ истинные сыны земли Русской и откроютъ Сибирскимъ переленцамъ возможность предъ Алтаремъ Всевышняго молиться о долгоденствіи возлюбленнаго ГОСУДАРЯ нашего НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Пожертвованія принимаются въ канцеляріи Комитета Министровъ (С.-Петербургѣ Маріинскій Дворецъ) и во всѣхъ казначействахъ губернскихъ и уѣздныхъ — на депозитъ названной канцеляріи.

Къ свѣдѣнію духовенства.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

по содержанію Яранскаго духовнаго училища изъ мѣстныхъ источниковъ за 1899 годъ.

П Р И Х О Д Ъ.

Отъ 1898 г. оставалось наличными деньгами 70 руб. 20 коп. Въ 1899 году поступило на приходъ: 1) по смѣтѣ: а) взносовъ съ церковныхъ суммъ Яранскаго духовно-училищнаго округа 7528 руб. 75 коп.; б) отъ продажи вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы 1190 р. 65 к. и в) взносовъ за право ученія иносословныхъ и иноепархіальныхъ учениковъ 797 руб. 50 коп.; 2) сверхъ смѣты: а) отъ пансіонеровъ и полупансіонеровъ 3526 руб. 50 коп.; б) отъ Вятскаго Епархіальнаго свѣчнаго занода за содержаніе въ училищномъ общежитіи ученика изъ черемисъ 70 р.; в) отъ духовенства округа на учебники своекоштнымъ ученикамъ 86 руб.; г) $\frac{1}{10}$ -въ по кассовой книжкѣ и купонамъ 42 руб. 18 коп.; д) получено за проданную ренту 500 р. 62 к.; е) пожертвованій на ученическую бібліотеку и вырученныхъ отъ продажи отрубей и учебныхъ книгъ 88 руб. 48 коп.; 3) оборотныхъ и переходящихъ суммъ: а) наличными 528 руб. 28 к., и б) билетами 600 руб. Всего въ 1899 г. на приходъ 14958 руб. 96 коп., а съ остаткомъ отъ 1898 г. 15029 руб. 16 коп.

Р А С Х О Д Ъ.

1) Выдано жалованья: а) учителю приготовительнаго класса 500 руб.; б) двумъ надзирателямъ за учениками и лицамъ, временно исполнявшимъ обязанности надзирателя

500 руб.; в) эконому 200 р.; г) священнику Успенскаго собора за совершеніе богослуженій для учениковъ 75 руб.; д) помощнику смотрителя за завѣдываніе ученическою библиотеккою и выдачу книгъ для чтенія и учебниковъ 100 руб.; е) шести учителямъ за вечернія занятія съ малоуспѣшными учениками 300 руб.; ж) врачу учениковъ училища 120 р.; з) дѣлопроизводителю училищнаго правленія 120 руб.; и) учителю гимнастики 58 руб.; и) письмоводителю училищнаго правленія 120 руб.; к) квартирнаго пособія двумъ учителямъ 120 руб.; итого 2213 руб.

2) Употреблено: а) на пособія 2-мъ сиротамъ-ученикамъ Вятскаго духовнаго училища, отцы коихъ по послѣдней службѣ принадлежали къ Яранскому училищному округу, одному бѣдному воспитаннику Нолинскаго духовнаго училища и 2-мъ бѣднымъ ученикамъ Яранскаго духовнаго училища, живущимъ у родителей, 180 руб. 30 коп.; б) на покулку для учениковъ, живущихъ въ общежитіи: просфоръ, церковнаго вина, деревяннаго масла и восковыхъ свѣчъ, одной кіоты для иконы и одной лампадки 26 руб. 70 коп.; в) на пищу 4495 руб. 41 коп.; одежду, бѣлье и обувь 507 руб. 10 коп.; чай и сахаръ 229 руб. 29 коп.; г) на чайную, столовую и кухонную посуду 96 руб. 78 коп. д) на стирку бѣлья: прачкамъ 199 руб. 20 коп. и за мыло и синьку 85 руб. 68 коп.; е) на бумагу, чернила, классные журналы и письменныя принадлежности 74 руб. 82 коп.; ж) на мочало, рогожи, вѣники и другіе хозяйственные предметы 19 руб. 78 коп.; з) уплачено: за реценты и содержаніе больныхъ учениковъ въ земской больницѣ 37 руб. 90 коп.; за лѣкарства и больничные предметы 7 руб. 69 коп.; и) за постановку и уборку ученической купальни 8 руб. 90 коп.; і) за стрижку волосъ 3 руб. 69 коп.; к) за поправку и перебивку старыхъ матрацевъ и шитье новыхъ 29 руб. 16 коп. Всего на содержаніе учениковъ, живущихъ въ общежитіи, и

на пособіе квартирнымъ ученикамъ израсходовано 6002 руб. 40 коп.

3) Выдано: а) жалованья прислугѣ 549 руб. 91 коп.; б) за мытье половъ 110 руб.; в) употреблено на освѣщеніе, лампы, стекла и щетки 426 руб. 11 коп.; г) на дрова 1266 руб. 23 коп.; д) уплачено за чистку дымовыхъ трубъ 30 руб.; е) за чистку ретирядовъ, центральной сточной ямы и помойныхъ ямъ 165 руб.; ж) за чистку крышъ и двора отъ снѣга и набивку погребовъ льдомъ 15 руб.; з) за полуду котловъ 40 руб.; и) за матеріалы для ремонта зданій 241 р. 92 к.; і) мастеру за бѣлильныя и малярныя работы 130 р.; к) за вставку стеколъ 3 р. 35 к.; л) за исправленіе тротуаръ, устройство забора около пожарнаго чана, новыхъ воротъ и другихъ подѣлокъ на дворѣ 39 руб. 50 коп.; м) за исправленіе механизма водяного отопленія и водопровода 12 руб. 5 коп.; н) за исправленіе ученическаго умывальника 3 руб. 50 коп.; о) за страхованіе зданій 104 руб. 34 к.; п) употреблено: на содержаніе лошади, починку экипажей, сбруи и ковку лошади 99 руб. 41 коп.; всего по содержанію училищныхъ зданій, ремонту ихъ и содержанію лошади израсходовано 3236 руб. 41 коп.

4) На содержаніе бібліотекъ: фундаментальной и на выписку періодическихъ изданій 131 р. 89 к., ученической и на выписку дѣтскихъ періодическихъ изданій 98 р. 46 к., на приобрѣтеніе учебниковъ 145 р. 81 к., книгъ новаго завѣта для безмездной раздачи вновь поступившимъ ученикамъ 23 р. 53 к. и книгъ въ награду ученикамъ 14 р. 89 к.; на канцелярскія потребности 37 р. 38 к.; всего по этой статьѣ израсходовано 451 р. 96 к.

5) Мелочныхъ хозяйственныхъ расходовъ произведено было на 49 р. 21 к., и экстраординарныхъ расходовъ на 248 р. 37 к.,

б) Временныхъ расходовъ: а) по исправленію и окраскѣ желѣзныхъ крышъ на главномъ училищномъ зданіи и банѣ: на матеріалы 268 руб. 8 коп.; мастеру за желѣзныя работы 7 руб., за сдѣланіе новыхъ 2-хъ большихъ слуховыхъ оконъ на крышѣ главнаго зданія 10 руб. и за окраску крышъ на главномъ училищномъ зданіи и банѣ 35 руб.; б) на приобрѣтеніе 12-ти мѣсячныхъ миней 32 руб. 71 коп.; в) на заведеніе 19-ти новыхъ партъ 50 руб.; всего временныхъ расходовъ 402 руб. 79 коп.

7) Сверхсмытныхъ: на основан. § 22, п. 2, прим. 2 уст. духовныхъ училищъ 1884 г. и согласно журнал. Правленія. училища за 30 дек. 1899 г. выдано: а) изъ суммъ, поступившихъ за право ученія инословныхъ учениковъ, начальствующимъ и учащимъ 400 руб. и б) изъ остаточныхъ суммъ по содержанію училища учителю русскаго языка въ старшихъ классахъ училища 75 руб. и служащимъ при училищѣ 30 р., всего 505 руб.

и 8) оборотныхъ и переходящихъ суммъ поступило въ расходъ наличными 1062 руб. 58 коп. и билетами 600 р. Всего къ расходѣ 14471 руб. 72 коп.

За вычетомъ суммы расхода изъ суммы прихода получается въ остаткѣ къ 1900 г. 257 руб. 44 коп.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

О т о р г а х ъ .

Назначенные на первое число Января сего 1901 года торги въ селѣ Сырчань, Нолнскаго уезда, о чемъ объявлялось въ № 24 „Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1900 годъ, на производство работъ по постройкѣ новаго каменнаго храма переносятся на пятнадцатое число того же Января. Желавшіе взять подрядъ приглашаются на торги съ залогами и надлежащими документами.

Отъ редакціи журнала „СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

„СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАВАЕМАЯ

при „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

Программа: Извѣстія о Государь Императорѣ и Членахъ Его Августѣйшаго Семейства.

Законы и распоряженія Высшаго Правительства, какъ относящіяся до крестьянскаго быта, такъ и всѣ тѣ, знаніе коихъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія.

Разныя статьи и извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ Россійской Имперіи, какъ-то: объ урожаяхъ; о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и другіе необходимѣйшіе предметы; объ улучшеніяхъ по сельскому хозяйству и народной промышленности; наставленія и указанія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности; о сохраненіи здравія; о предосторожностяхъ отъ пожаровъ, скотскихъ падежей и другихъ бѣдствій; объ устройствѣ заведеній, полезныхъ въ сельскомъ быту и т. п.—Сообщенія изъ волостей.—Отвѣты редакціи, съ разъясненіями на вопросы подписчиковъ по дѣламъ сельскаго быта.

Подписчикамъ на „Сельскій Вѣстникъ“ будущаго 1901 г., выписывающимъ газету за деньги, будетъ высланъ при газетѣ бесплатно „КАЛЕНДАРЬ и СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА“ на 1901 годъ, содержащій въ себѣ свѣдѣнія, по-

лезныя для сельскихъ жителей *). Кромѣ того, подписчики будутъ получать бесплатно, какъ и въ 1900 году, ежемѣсячный журналъ, состоящій изъ книжекъ для народнаго чтенія, издаваемыхъ съ 1-го января 1897 года, подъ наблюденіемъ Главнаго Редактора газеты „Правительственный Вѣстникъ“, въ видѣ

БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ

къ газетѣ „Сельскій Вѣстникъ“, ежемѣсячно (около трехъ печатныхъ листовъ или 48 страницъ въ каждой книжкѣ)

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„БОГЪ-ПОМОЧЬ“.

Содержаніе этихъ книжекъ, общепонятное сельскому люду, будетъ состоять изъ статей: религіозныхъ, историческихъ, сельско-хозяйственныхъ, научныхъ, разныхъ разсказовъ, стихотвореній и смѣси. Въ случаѣ надобности, будутъ помѣщаться рисунки въ текстѣ или на отдѣльныхъ листахъ.

Подписная цѣна на газету „Сельскій Вѣстникъ“ съ приложеніемъ книжекъ „Богъ-Помочь“ слѣдующая:

	НА	НА	НА	НА
для городскихъ подписчиковъ:	1 годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
безъ доставки	1 р. —	60 к.	35 к.	15 к.
съ доставкою	1 р. 20 к.	70 к.	40 к.	20 к.
для иногороднихъ:				
черезъ волостныя правленія.	1 р. —	60 к.	35 к.	15 к.
„ почтовые мѣста	1 р. 20 к.	70 к.	40 к.	20 к.

Отдѣльные нумера газеты „Сельскій Вѣстникъ“ продаются по 3 коп., а съ приложеніемъ—по 4 коп., на почтовую пересылку иногороднымъ прибавляются 3 коп. на каждый нумеръ **Отдѣльной подписки на изданіе „Богъ-Помочь“ и отдѣльной продажи книжекъ нѣтъ.**

---

*) Волостнымъ правленіямъ и другимъ мѣстамъ и лицамъ, получающимъ газету бесплатно, „Календарь“ съ прибавленіями будетъ высылаться только за плату 25 коп. (съ пересылкою).

Подписка на „Сельскій Вѣстникъ“ съ приложеніемъ и объявленія для помѣщенія въ газетѣ и книжкахъ принимаются въ Конторѣ Редакціи „Правительственнаго Вѣстника“. Плата за объявленія, печатаемыя въ концѣ нумеровъ „Сельскаго Вѣстника“,—за печатную строчку мелкаго шрифта 40 коп., а въ книжкахъ слѣдующая:

Страница . 60 р. 50 к. $\frac{1}{4}$ странцы. . . 16 р.
$\frac{1}{2}$ страницы. 30 р. 25 к. $\frac{1}{8}$ „ . . . 8 р.

Въ конторѣ Редакціи „Правительственнаго Вѣстника“ продаются новыя книги:

1) „Свѣдѣнія о Сибири“ (Сборникъ статей „Сельскаго Вѣстника“ о Сибири и переселеніи), съ картою Европейской и Азіятской Россіи. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою, а съ налогомъ платжею 1 р. 40 к., и

2) „Сборникъ Разъясненій Сельскаго Вѣстника“ за послѣдніе четыре года (1894—1897). Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою, а съ налогомъ платжею 1 р. 70 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія Правительства.—Указъ Св. Синода, отъ 28 дек. 1900 г. за № 8754, о назначеніи Преосвященнаго Никодима, Епископа Сарап., перваго викарія Вят. епархіи, Епископомъ Пріамурскимъ и Благовѣщенскимъ.—Перемѣны по службѣ въ духовно-учебн. завед.—Назначеніе пенсіи.—Распор. Епарх. Начал.—Перемѣны по службѣ.—Свободныя мѣста.—Награжденіе набедрен.—Присоедин. къ правосл.—Свѣд. о колич. пожертв., поступивш. на постр. новой камен. колокольни при Всехсвятской церкви г. Вятки.—Воззванія.—Объявленія: о торгахъ въ с. Сырчанѣ, Нол. уѣзда, и отъ редакціи журнала „Сельскій Вѣстникъ“.

Редакторъ, Секретарь Консисторіи *А. Стратилатовъ.*

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 1.

1901 г.

Января 1-го.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

„НОВЫЙ ГОДЪ—НОВОЕ СЧАСТІЕ“.

(Слово предъ молебствіемъ въ ночь на 1-е января).

Пробило 12 часовъ, и прожитый годъ погрузился въ вѣчность. Такъ тьма вѣковъ съ нерушимымъ хладнокровіемъ поглощаетъ годъ за годомъ, кончаетъ вѣка, начинаетъ тысячелѣтія, такъ бездна временъ съ ужасающимъ спокойствіемъ сокращаетъ лѣта жизни человѣка и cadaго изъ насъ придвигаетъ все ближе, ближе и ближе къ могилѣ...

Съ каждымъ годомъ ряды нашихъ близкихъ, друзей и родныхъ уменьшаются, каждый годъ мы видимъ появленіе на жизненномъ полѣ новыхъ людей на смѣну сошедшимъ, каждый годъ можетъ унести и насъ изъ этого міра!...

Грустные чувства возбуждаютъ эти размышленія, но духъ человѣческой не падаетъ въ безсиліе при видѣ людской недолговѣчности. Въ самой природѣ человѣка заложено живучее и неумолкающее стремленіе впередъ, къ развитію, къ лучшему,—стремленіе, которое даетъ человѣку силы жить и бороться.

И съ наступленіемъ новаго года, не вѣдая, что утрѣ случится (Іак. IV, 14), оживляется каждый,—ободряется

угнетенный жизнью, отдыхаетъ утомленный обстоятельствами, возстаетъ колебавшійся подъ тяжестью своего положенія, — и вновь всё воскресаютъ въ своихъ надеждахъ. „Новый годъ — новое счастье“, это не пустое, утратившее смыслъ, поздравленіе другъ къ другу, но глубокая вѣра наша, вѣра, заставляющая насъ воспрянуть отъ неудачъ и неисполненія желаній прожитаго года, возродиться и ободриться въ созиданіи своего счастья въ наступающемъ....

Вопросъ о счастьи человѣческомъ — одинъ изъ тѣхъ вѣковыхъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ человѣчество трудится съ первыхъ дней своего существованія и будетъ задумываться вѣчно. Много серьезныхъ и великихъ мыслителей посвятило всю свою жизнь этому вопросу, много было дано и продуманныхъ глубокимъ умомъ, выстраданныхъ горячимъ сердцемъ отвѣтовъ, но вопросъ какъ прежде, такъ и сейчасъ остается неразрѣшимой загадкой и попрежнему стоитъ предъ сознаніемъ человѣка во всей своей силѣ страшной, по неотразимой увлекательности. Если бы человѣку былъ навѣрно извѣстенъ идеалъ его земного счастья, или по крайней мѣрѣ были открыты достижимые предѣлы его, онъ готовъ былъ бы напрячь всё свои силы, подъять великіе труды и рѣшиться на всякія жертвы, чтобы взять доступное ему земное благо. Но въ томъ-то и вѣковая безвыходность положенія, что стремленія человѣка необъятны, а силы ограничены, счастье отъ насъ всегда далеко, а предѣлы возможнаго не обозначены. Живя и постоянно развиваясь, человѣкъ стремится не къ тому, что хорошо, а къ тому, что *лучше* его настоящаго положенія, но этому *лучше* конца нѣтъ (такъ какъ для настоящаго всегда отърывается моментъ будущаго), а, слѣдовательно, не можетъ быть конца и стремленіямъ человѣка. И предполагаемое счастье, едва человѣкъ успѣетъ приблизиться къ нему, далеко убѣгаетъ впередъ, возбуждаетъ новыя желанія, указываетъ новыя предметы для стремленій и опять является причиной новой неудовлетворенности, новаго недовольства человѣческаго духа....

Были люди, которые говорили, что земная жизнь человека есть сама по себѣ цѣль, годы жизни—веселый пиръ, на которомъ всякій долженъ найти все, что ему нужно для счастья, наслажденіе жизнью—высшій смыслъ существованія. Но не могло быть жизненнымъ такое ученіе о благѣ. —Опытъ сказалъ людямъ, что нѣтъ счастья безъ горя и страданій, нѣтъ наслажденія безъ утратъ и лишеній, нѣтъ удовольствія безъ изнурительныхъ трудовъ и болѣзней. Временное благосостояніе однихъ отнимаетъ благо жизни у другихъ, обрекаетъ на лишенія и стѣсненія третьихъ. Вышнее довольство не удовлетворяетъ и самихъ счастливыхъ,—оно развиваетъ болѣзненную требовательность и раздражительность, возбуждаетъ тоску и страданія. Среди богатствъ, роскоши и ласкъ жизни зарождается тяжелое чувство смерти, которое служитъ горькой и ядовитой отравой для свѣтлаго представленія о счастьи на жизненномъ пиру. —Такое благо—*не счастье!*...

Полагали счастье въ полной свободѣ человека, спокойствіи и твердости духа при всѣхъ переменѣхъ и пероворотахъ жизни, но дѣйствительность не оправдала и этого представленія. Въ жизненной борьбѣ свобода немногихъ покупалась рабствомъ и духовнымъ гнетомъ большинства. Спокойствіе и твердость духа при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, поставляя человека выше окружающаго, дѣлали его гордымъ, лишали жизни и чувства, обрекали на бездѣйствіе и бесполезное существованіе въ обществѣ. И это благо—*не счастье!*

Думали найти счастье въ осуществленіи высшихъ идеаловъ истины, добра и красоты, но жизнь и въ этомъ случаѣ разбила мечты человека. Что такое истина, добро и красота сами въ себѣ—не рѣшилъ никто, дѣйствительность же съ убійственною убѣдительною говорила, что истина часто омрачается ложью, невѣжествомъ и предрасудками, что жизнью человека управляютъ дурныя склонности, страсти, увлеченія и пороки, что чистое и возвышенное омрачается широко распространеннымъ безобразіемъ, что прекрасное и

лучшее въ жизни подвергается поруганію инстинктами нашей чувственной природы. И это благо еще *не счастье!*

Указывали счастье въ развитіи свободныхъ отношеній между людьми, но въ жизни повсюду встрѣчались съ упорнымъ себялюбіемъ; думали найти счастье въ служеніи обществу, въ судѣ потомства, но дѣйствительность часто не принимала услугъ, а исторія упоминала только громкія имена и совершенно умалчивала о рядахъ скромныхъ тружениковъ.—И эти предполагаемая блага *не счастье!* ...

Такъ проходили вѣка, смѣнялись милліоны людей, указывались новые пути къ счастью, но счастье все не отыскивалось. Мы прожили 19 вѣковъ, гордимся успѣхами мысли человѣческой, удивляемся открытіямъ и изобрѣтеніямъ послѣднихъ дней, но можемъ ли сказать, что мы вполне счастливы, въ состояніи ли утверждать, что мы обрѣли истинное благо сами и сдѣлали счастливыми другихъ? Правда, мы увеличили до послѣдней степени средства къ удовлетворенію жизненныхъ потребностей, но сталь-ли чрезъ это кто довольнѣе и счастливѣе? Взаимное недовѣріе, себялюбіе, стремленіе къ личнымъ выгодамъ, заблужденія, страсти, всевозможныя бѣдствія—явленія, хорошо извѣстныя нашимъ днямъ, но безмятежнаго мира, довольства и счастья не видно.

Что же? Или и настоящій, избранный нами послѣ вѣковаго опыта, путь къ счастью попрежнему ошибоченъ, или счастья вообще нѣтъ на землѣ, и всякое исканіе его—долгѣе заблужденіе человѣка?

Въ чемъ полагаетъ благополучіе и счастье человѣка наше время? Если хочешь преуспѣвать во всемъ и быть счастливымъ, не отставай отъ вѣка—вотъ къ чему сводится житейская современная мудрость. „Не отставай отъ вѣка“—это основное правило жизни для всякаго искателя счастья. Не отставай отъ вѣка въ вѣрованіяхъ, не отставай въ образованіи, не отставай въ привычкахъ и обычаяхъ, не отставай въ утонченности отношеній свѣта, не отставай ни въ чемъ!... И гонимся мы за этимъ призрачнымъ счастьемъ,

стараемся выйти из своего положенія на высшее; обставляемъ свою жизнь безчисленными предписаніями свѣтскихъ правилъ и привычекъ, тратимъ въ этой погонѣ за свѣтомъ энергію, силы и средства. . . и не удовлетворяемся. Очевидно, этотъ избранный нами путь къ счастію не можетъ привести къ нему, — размѣнивая жизнь на мелочи, обусловливая удобства жизни соблюденіемъ стѣснительныхъ условій свѣта, онъ заставляетъ каждаго выйти изъ самого себя, раздвоетъ душу и лишаетъ человѣка той цѣльности, которая поддерживаетъ жизненную энергію и устойчивость въ дѣятельности. Избранный путь ошибоченъ, потому что онъ никого не сдѣлалъ вполнѣ счастливымъ, не сдѣлалъ счастливымъ, такъ какъ заставилъ забыть основное и непреложное правило истинно доброй дѣятельности. „*Братіе, не сообразуйтесь въку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего*“ (Римл. 12, 2), т. е. не ходите слѣпо закрывши глаза, по требованіямъ вѣка, будьте самими собою, будьте самостоятельны, преобразовывайте и развивайте свой умъ не по мудрости свѣта, а по ученію Евангелія и по закону совѣсти, такъ говоритъ св. ап. Павелъ. Вотъ истинный путь жизни, которымъ долженъ идти человѣкъ: *не слѣдуй въку*, а наша житейская мудрость говоритъ: *иди за вѣкомъ!* И мудрость вѣка, несмотря на прямое приворѣчіе мудрости духа, являясь защитницей мнимаго развитія, ничѣмъ не можетъ опровергнуть неотразимую истину правила о послѣдованіи вѣку сему. Не отсталость ума, не утвержденіе устарѣвшихъ формъ жизни, не борьбу съ образованіемъ и плодами мысли человѣческой, не застой и смерть проповѣдуетъ это правило, а преобразование и обновленіе ума, развитіе и прогрессъ, но только на высшихъ основахъ, наиболѣе достойныхъ назначенія и природы человѣческаго духа. Не гонись за вѣкомъ, закрывши глаза, но лучшимъ, чистымъ, плодами мысли и вѣковой дѣятельности человѣка пользуйся, только помня, что это лучшее въ жизни опредѣляется закономъ евангельскимъ и закономъ совѣсти, но не мудростію вѣка сего, ратующей за мнимое развитіе,

но ослабляющей и гнетущей свободный духъ человѣка, вотъ дальнѣйшее развитіе словъ Св. Апостола.

Итакъ, неопровержимымъ опытомъ мы убѣждаемся, что мудрость вѣка сего во всей своей утонченности не дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Но если такъ, то имѣетъ ли смыслъ и самое стремленіе къ счастью?... Стремленіе это *дѣйствительное, врожденное*, а, слѣдовательно, оно имѣетъ и глубокий смыслъ. Неудовлетворенность настоящимъ, стремленіе къ лучшему, вѣра въ будущее, это условія всякой разумной жизни, всякаго развитія и движенія. Но въ своемъ стремленіи къ счастью человѣкъ долженъ различать благо полное, — недостижимое въ земной жизни и возможное только тогда, когда духъ человѣческій освободится отъ стѣсняющихъ матеріальныхъ условій и въ своемъ развитіи познаетъ самую истину, — и благо доступное ему, благо, которое не доставитъ полного довольства, но дастъ душевный покой и энергію, необходимыя для разумнаго и полезнаго существованія. И это доступное человѣку счастье находится не въ далекомъ и невѣдомомъ въ настоящій моментъ жизни житейскомъ положеніи, какъ мы привыкли думать, а въ насъ самихъ. Если бы каждый изъ насъ твердо усвоилъ и глубоко проникъ въ правило апостола не сообразоваться вѣку сему, если бы каждый старался быть самимъ собою и руководился въ жизни и дѣятельности ученіемъ евангельскимъ и закономъ совѣсти, а не прихотями житейской мудрости, если бы каждый воспиталъ въ себѣ любовь, не житейскую, а безкорыстную, къ своему ближнему собрату, къ труду и къ тѣмъ обязанностямъ, которыя лежатъ на человѣкѣ, искомое возможное на землѣ благо было бы обрѣтено, — его каждый нашелъ бы въ своемъ положеніи, данномъ ему Богомъ, Царемъ и обществомъ, нашелъ бы въ покоѣ душевномъ, въ сознаніи честно исполняемаго долга. Аминь.

А. Рукинъ.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ столѣтїемъ!

Каждое новолѣтїе принято привѣтствовать другъ друга „съ новымъ счастьемъ“. Въ свое время Григорій Богословъ говорилъ современникамъ: „Ничтожная честь, которая проходитъ скорѣе разливающагося дыханія, и скорогибнущая слава“, имѣть право, „засѣдая величаво, высоко поднять вверхъ брови“, „могущество“, богатство. „увеселяться самыми лживыми и ничтожными грезами, которыя какъ проходятъ одна за другою, такъ и улетаютъ“, что равносильно тому, чтобы „хватать руками мимотекущій потокъ, какъ нѣчто твердое, — ловить тѣнь и сжимать ее руками, — простирать длани къ туману и ловить его... Таковъ человѣческій родъ, таково и человѣческое счастье: оно подобно самымъ непримѣтнымъ слѣдамъ карабля, которые нарѣзываются спереди и исчезаютъ сзади“...

За тысячелѣтїя перемѣнились только лица, а „грезы“ остались тѣ же. И понинѣ имѣть право многозначительно и „высоко поднимать вверхъ брови“ и подобныя пустяки — составляютъ край желаній и *ultima ratio* — „съ новымъ счастьемъ“. Отъ того привѣтствїе это стало банально-фальшивымъ лозунгомъ къ тому, что въ сущности портитъ счастье жизни, что „быстро кружится и переходитъ и само себѣ противоборствуетъ“ и чему можно довѣрять столько же, сколько вѣтру въ полѣ и писанному на водѣ. Самая буква привѣтствїя подчеркиваетъ эфемерность и непостоянство того, чего желаютъ.

Каждое новолѣтїе предваряется солнцеворотомъ: „солнце на лѣто, зима на морозы“. Солнышко встрѣчаетъ каждый родившійся годъ „улыбкой ласковой привѣта“: больше согревающихъ лучей, больше свѣта. Но привѣтствїе небесъ сурово встрѣчаютъ „силы воздушныя“, атмосферныя явленія. Морозъ и вьюги лютуютъ и, какъ бы въ гнѣвѣ на приходъ небесныхъ вѣстниковъ и на зло имъ, стараются умертвить

все живое. Но напрасно „воздушная сила“ „пѣнить и бѣснать“: ей не одолѣть солнца и неба! Подъ тяжкими ударами леденящаго вѣтра трещить и стонетъ живое и мертвое; съ злобнымъ остервененіемъ вьюга все покрываетъ могильнымъ саваномъ и воетъ замогилую пѣснь смерти; но преждевременно. Изслѣдуйте въ эту пору подсвѣжныя растенія— и вы увидите, что они вовсе не мертвы, напротивъ, въ нихъ зрѣетъ новая жизнь. Попробуйте мѣсяца чрезъ полтора откопать толстый слой снѣгу гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ, между строеніями, на солнцепекѣ,— и вы увидите слабую, блѣдную молодую зелень. Очевидно, чрезъ всѣ препоны „воздушныхъ силъ“ сюда успѣлъ проникнуть живитительный лучъ солнца и подъ снѣжнымъ покровомъ сумѣлъ свить гнѣздышко новой жизни, превративъ такимъ образомъ противоборствующее жизни въ ея пользу, ибо безъ снѣжнаго покрова не явилась бы зелень.

Лице неба говоритъ намъ прятчу, по которой нетрудно *знаменій временемъ искусити* (Мѣ. XVI, 3).

Надъ жизнью разумныхъ существъ лютуютъ „квизи воздушныя“; бури леденящаго эгоизма и бѣшеныхъ страстей стремятся погребсти все истинно живое—честное, доброе; грѣхъ толстой, снѣговой корою хочетъ задунить все святое. Подъ громъ этой убійственной брани все цепенѣетъ и никнетъ долу. Сколько высокихъ мыслей, благородныхъ стремленій, счастливыхъ жизней погибло здѣсь, какъ пожелтѣвшая осенняя трава подъ дуновеніемъ первыхъ морозовъ! Но съ высоты небесъ кротко глядитъ на мятежный родъ людской предвѣчное „Солнце Правды“, Христось Богъ нашъ, и льетъ на него теплые, оживляющіе лучи всесозидающей любви Своей. И благо тому, до кого коснулись они! Натуралисты говорятъ что все живое на землѣ есть метаморфоза солнечныхъ лучей, реализованная энергія солнца. Законъ бытія одинъ. *Невидимая бо Ею отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Рим. I, 20). Чрезъ видимое постигаемъ

„умопредставляемое“, чрезъ физическое—духовное. Истинная жизнь, вѣчно юная, свѣжая и бодрая, а значить и счастливая, есть не что иное, какъ реализованная энергія теплыхъ лучей всесозидающей любви „Солнца Правды“, Бога *всякія утѣхи*. Гдѣ свила себѣ гвѣзду эта любовь, тамъ она, *яко кокошъ* прикрываетъ человѣка своими матерними крылами отъ холодныхъ дуновеній грѣха и злосключеній жизни, тамъ увидшая жизнь пробуждается даже подъ свѣгомъ сѣдѣющей старости, возникаетъ рой свѣтлыхъ надеждъ и стремленій съ бодростью первой юности, счастливыхъ какъ улыбка младенца. И зло въ этомъ случаѣ не только не портитъ жизни, но подобно свѣгу, покрывающему растенія, обращается Верховной Благостью въ ея пользу. Голодно, холодно, несчастія, болѣзни, смерть... „Претерплю, говоритъ христіанинъ, нестерпимое длится недолго, и умру, т. е. пойду на другое Твое дѣло,—разъ Твое—такое же блаженное, какъ и эта жизнь, которую Ты далъ мнѣ“. Да будетъ воля Твоя!...

Въ столицѣ принято возвѣщать о наступленіи новолѣтія выстрѣломъ пушки, какъ и о наступленіи наводненія. Случайное, но знаменательное совпаденіе! Потокъ времени такъ же смертельно опасенъ, какъ и безвременно нахлынувшія невскія воды. И тотъ день, въ который неустанно говорятъ: „съ новымъ годомъ“, есть въ сущности *memento mori*, и „чейнибудь ужъ близокъ часъ“, такъ что „съ новымъ счастьемъ“ звучитъ ироніей.

Отъ этого *memento* Церковь и обращаетъ нашъ взоръ назадъ, къ 25 декабря, къ той ясной ночи, когда морозный воздухъ холмовъ Виолеемскихъ огласился побѣдной пѣснью жизни надъ смертью, радости надъ горемъ: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцкихъ благоволеніе*; а 1-го января она воспоминаетъ обрѣзаніе воспѣтаго Младенца, древнее знаменіе совлеченія ветхаго человѣка съ дѣянїями его. Здѣсь видится урокъ. Не ищите счастливой жизни

въ круговоротѣ времени, гдѣ „въ непостоянствѣ остается одно постояннымъ измѣненіе во всемъ“, гдѣ все умираетъ, едва родившись, и, родившись, плачетъ; а ищите въ той Жизни, Которая родилась и обрѣзалась во времени, но была прежде времени, присноживая, вѣчноблаженная; съ нею водворяется *на земли мира, въ челоѵцяхъ благоволеніе*. Вы были дурны въ прошедшемъ году: совлеките же это дурное въ новомъ; будьте по образу Обрѣзавшагося, т. е. невинными дѣтми, *ибо таковыхъ есть царство небесное* (Мѡ. XIX, 14), т. е. тѣ *миръ и радость о Духъ Святъ*, которыхъ вы напрасно ищите теперь, и тогда васъ воистину поздравить можно „съ новымъ счастьемъ“.

Такъ лозунгъ химеръ и суеты превращается въ терминъ христіанскаго прогресса и роста духовнаго. О прогрессѣ помянуть теперь ко времени будетъ: наступилъ новый вѣкъ.

XIX вѣкъ Вятская епархія должна помянуть добромъ. Можно сказать, въ этомъ вѣкѣ впервые развернулась церковная жизнь ея, какъ впрочемъ и во всей Россіи. Количество храмовъ Божіихъ, этихъ опорныхъ пунктовъ православія и училищъ благочестія, стало вдвое болѣе въ концѣ минувшаго вѣка, чѣмъ въ началѣ его. Проновѣдь увеличилась. За этотъ вѣкъ почти стерто язычество въ епархіи. И дай Богъ, чтобы съ послѣднимъ дыханіемъ XIX вѣка окончательно замерло и его дыханіе. Этого счастья отъ души желаемъ всей епархіи, миссіонерскому комитету и всеѣмъ трудящимся на этомъ поприщѣ, особенно миссіонерамъ. Да минетъ для нихъ время испивать ту тяжелую чашу, которую не однажды пришлось испивать имъ въ минувшемъ вѣкѣ. Да сольются все уста инородцевъ вмѣстѣ съ русскими во единой молитвѣ единому „славимому Богу“! Этой счастливой минуты отъ души желаемъ.

Въ XIX вѣкѣ тысячи раскольниковъ обращены въ православіе и впервые поставлена разумно борьба съ расколомъ:

учреждено братство, открыты школы братства, открыта школа прот. Кашменскаго. Да будетъ вѣчная ему память за то добро, какое принесъ онъ и будетъ приносить епархіи! Да не оскудѣваетъ ревность питомцевъ этой школы и пусть будетъ еще плодотворнѣй въ XX в., чѣмъ въ XIX-мъ. Этого счастья отъ души желаемъ. Желаемъ, чтобы дѣятелей миссіи сопровождалъ въ новомъ столѣтіи вѣщій успѣхъ, такъ чтобы имя раскола перешло въ область исторіи.

Только въ XIX вѣкѣ духовенство Вятской епархіи стало получать настоящее образованіе, завело и обстроило прекрасно духовныя училища, епархіальныя училища, въ которыхъ образованіе и воспитаніе дѣвнцъ духовнаго званія (и недуховнаго) впервые было поставлено на разумную почву, чего совсѣмъ не было въ XVIII вѣкѣ. Пусть и въ новомъ вѣкѣ духовенство неослабно печется о всѣхъ питомникахъ своего юношества, въ томъ числѣ о Семьвариі. Пусть безъ остатка покроются всѣ нужды ея: займетъ она мѣсто болѣе удобное и зданіе болѣе гигиѣничное. Пусть не будетъ въ ней тѣхъ смуть, какія по временамъ постигали её въ XIX вѣкѣ, но подъ покровомъ Божьяго благословенія, въ тиши и радости духовной да зрѣютъ ея питомцы на славу родной епархіи, увеличиваясь и количественно и качественно.

Только XIX вѣкъ положилъ основаніе и развилъ широко образованіе и воспитаніе народа въ духѣ вѣры и Церкви, чего не сдѣлалъ XVIII вѣкъ. То тихо, то быстро, но всегда неуклонно льется свѣтъ просвѣщенія въ самые глухіе уголки епархіи, просвѣщая во тьмѣ сидящихъ, искореня суевѣрія и расколы. Пусть сильнѣе и сильнѣе льется этотъ свѣтъ, а энергія духовенства удесятерится. Уча другихъ, пусть духовенство само неустанно учится. Пусть прогрессъ массъ не опередитъ его просвѣщенности, иначе прискорбно будетъ. *Аще соль обуяетъ, чимъ осолится?*

Вѣчная память всѣмъ архипастырямъ и дѣятелямъ по-

трудившимся за столѣтіе надъ дѣломъ прасвѣщенія народа, и долгая жизнь трудящимся доселѣ надъ этимъ дѣломъ. Пусть энергія ихъ не слабѣетъ и сопровождается всевозрастающимъ успѣхомъ во славу Русской Церкви и Державы!...

Благослови, Господи, вѣнецъ наступающаго лѣта!

На память о XIX вѣкѣ. ¹⁾

Мы собрались помянуть истекшій вѣкъ и встрѣтить настоящій. Разсчитывая на ваше снисходительное терпѣніе, я рискнулъ предложить слово о минувшемъ столѣтіи. Говорить на эту тему—не упражненіе пера, не подражаніе модѣ, а долгъ христіанина. Народамъ Самъ Богъ назначилъ *предопредѣленные времена...*, дабы они искали Бога, не ощущаютъ ли Его и не найдутъ ли (Дѣян. XVII, 26. 27). Значить, по истеченіи опредѣленнаго времени, христіанинъ обязанъ оглянуться и провѣрить, *ощутилъ* ли онъ Бога и *обрлъ* ли Его и что для этого сдѣлалъ.

Сейчасъ печатается статья проф. С. С. Глаголева, гдѣ онъ подводитъ итоги научно-философской работѣ минувшаго вѣка и приходитъ къ слѣдующему. Наши знанія и изслѣдованія не открываютъ намъ вѣчной истины,—если хотите—даже не приближаютъ къ ней, эту истину впервые ясно и твердо установилъ XIX вѣкъ. Но XIX вѣкъ попытался установить и научно обосновать новую точку зрѣнія на тайны вселенной. Мы можемъ знать только этотъ міръ... Небо не хочетъ открывать своихъ тайнъ и намъ не остается ничего болѣе, какъ смириться предъ этимъ безмолвіемъ неба, Мы не видѣли Бога, Онъ не открывается намъ, мы не ощущаемъ Его, поэтому не будемъ говорить и думать о Богѣ,

---

¹⁾ Настоящій рефератъ прочитанъ въ присутствіи Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Алексія, Епископа Вятскаго и Слободскаго, въ домѣ Епарх. женскаго училища, 3 января 1901 г.

не будемъ обращаться къ Нему съ мольбами, не будемъ спорить: существуетъ ли Онъ, или нѣтъ, забудемъ о Немъ. Нашъ удѣлъ — земля, наша задача устроить рай на землѣ. „Таковъ итогъ философскихъ и научныхъ работъ XIX столѣтія .. въ Германіи, Франціи и Англіи“.

Воздавая, затѣмъ, „должное“ „великимъ завоевателямъ“ въ области точныхъ наукъ, профессоръ говоритъ: „Они возвѣстили міру много новаго. Но вотъ что представляется несомнѣннымъ: то новое, что возвѣстили они, не только не уменьшило числа міровыхъ загадокъ, напротивъ, безмѣрно умножило ихъ“. Авторъ, начиная съ математики, перебираетъ изслѣдованія многихъ позитивныхъ наукъ и констатируетъ тотъ фактъ, что эти науки виспровергли на концѣ вѣка то, чему поклонялись въ началѣ его. Самыя безспорныя положенія прежде обазываются теперь очень спорными, даже въ такихъ наукахъ, какъ математика и физика. Прежде казавшееся простымъ оказалось потомъ очень сложнымъ. Но, придя къ столь неутѣшительному скепсису, эти науки не дали ничего безспорнаго и даже не стѣсняются предлагать „просто гаданія, чуждыя точности и опредѣленности“. „Такъ, — заключаетъ авторъ, — въ представленіи мыслителя... XX столѣтія міръ является сфинксомъ, гораздо болѣе загадочнымъ, чѣмъ какимъ онъ представлялся столѣтіе назадъ... Если подвести итогъ научнымъ завоеваніямъ... въ области чистой мысли, то ихъ, пожалуй, можно во многихъ областяхъ знанія резюмировать такъ: ученые пришли къ ясному сознанію правды Сократовскихъ словъ: я знаю, что я ничего не знаю. Въ прошедшіе вѣка было много мнимаго знанія, было много мнимыхъ рѣшеній вопросовъ. XIX вѣкъ вскрылъ обманчивость и призрачность подобныхъ рѣшеній, но онъ не сталъ особенно трудиться надъ составленіемъ рѣшеній новыхъ“. На вопросъ: какіе идеалы завѣщалъ XIX вѣкъ XX-му? — профессоръ отвѣчаетъ: „никакихъ идеаловъ, никакихъ грезъ, никакихъ широкихъ задачъ, сяди въ своей норѣ и не тянись къ небу.“

Таковъ завѣтъ, подсказываемый философiею и наукой XIX столѣтiя вѣку XX-му“.

Статья только-что начата, и профессоръ пока ничего не говоритъ, какъ отразилось это научное вѣянiе на обществѣ. Онъ только ставитъ пока вопросъ: „не переходитъ ли чело-вѣчество изъ возраста идеаловъ, изъ возраста юности въ воз-растъ старчества и упадка? Не есть ли эта суровая трезвость мысли только трезвость плохого желудка? Отреченiе ученыхъ отъ мiра сверхчувственного не указываетъ ли на то, что ихъ чувства притупились“? Поэтому мы сдѣлаемъ выписку изъ другаго автора.

„Нельзя сказать, чтобы эта проповѣдь отрицанiя (о ко-торой говоритъ проф. Глаголевъ) была однимъ книжнымъ вы-мысломъ и не оказывала влiянiя на теченiе нашей повседнев-ной жизни. Подъ влiянiемъ этой проповѣди въ современномъ чело-вѣчествѣ все чаще вырабатываются характеры людей, ничѣмъ въ мiрѣ недовольныхъ..., венаходящихъ никакой прiятности и цѣли въ жизни, разочарованныхъ жизнью и не-рѣдко посягающихъ на свою жизнь.... Даже въ нашей пра-вославной странѣ этотъ мрачный духъ отчаянiя и отрицанiя жизни сдѣлался весьма замѣтнымъ явленiемъ. И что осо-бенно удивительно, этимъ мрачнымъ вѣянiемъ охватываются не столько люди пожившiе, дѣйствительно утомленные про-должительною житейскою борьбою, сколько, наоборотъ, люди, почти не имѣющие за собой никакихъ серьезныхъ житейскихъ опытовъ. Какъ-то такъ выходитъ, что люди прежде чѣмъ успѣваютъ серьезно ознакомиться съ жизнью, уже оказы-ваются до крайности разочарованными жизнью“. Тутъ же авторъ описываетъ религиозно-нравственное состоянiе конца минувшаго вѣка и находитъ, что оно имѣетъ „близкое сход-ство“ съ мрачной эпохой цезарей предъ пришествiемъ Мес-сiя, съ эпохой отрицанiя жизни, невѣрiя и всякой шаткости *).

*) Обѣ статьи въ „Душев. Чт.“ 1901 г., янв.

Въ общемъ получается картина столь ужасная, что къ ней нейдетъ другая надпись, кромѣ заключительныхъ словъ Апокалипсиса: *ей, гради, Господи Исусе!*

Но вѣрно ли то, что пишутъ намъ?

Разумѣется, было бы игрой святочной фантазіи представлять себѣ минувшій вѣкъ только во мракѣ Пандемоніума и ужасовъ Валгалы; но въ предложенныхъ цитатахъ очень много правды, которую легко провѣрить.

Что говорить почтенный профессоръ насчетъ преобладанія агностицизма въ научно-философской мысли, то это — не открытіе. Мы даже можемъ прибавить къ его положенію, что та полудученость, для которой не писанъ афоризмъ Кузьмы Пруткова о „корнѣ вещей“, постаралась этотъ агностицизмъ популяризовать. Не считаю деликатнымъ назвать для примѣра по имени сотрудника одного распространеннаго журнала, но буквально читаемъ у него вотъ что: „Истинно научные позитивисты, представители подлинной, а не романтической науки о бытіи *по ту сторону* (вездѣ курс. подлин.) нашихъ наблюденій и опытовъ, всегда говорили: *ignoramus, ignorabimus*, — *не знаемъ и не будемъ знать*, и никогда не рѣшались заявить: *ничего нѣтъ и не можетъ быть*“.

Не нарушая деликатности, могу упомянуть Л. Н. Толстого. Его причисляютъ то къ атеистамъ, то къ пантеистамъ, но я думаю, что его вѣрнѣе причислить къ агностикамъ, по образу Конфуція, а главнымъ образомъ Будды. Но если и ошибемся въ этомъ, то не ошибемся въ томъ, что овъ другихъ учить агностическому христіанству, совершенно упраздняющему важность метафизическихъ вопросовъ о Богѣ, вѣчности и т. д. Что иное значать его слова: „Ученіе Христа не спорить съ людьми нашего міра о ихъ міросозерцаніи, оно впередъ соглашается съ нимъ“... „Вы — вѣрующій христіанинъ... Вѣрьте въ воскресеніе, въ рай, въ адъ, въ папу... Вы не вѣрующій философъ... Христово ученіе не спо-

рить съ вами“.. („Въ чемъ моя вѣра“). Это точный сколокъ съ ученья Готамы-Будды, и какъ тамъ, такъ и здѣсь концепція одна, въ послѣднемъ подсчетѣ дающая Абсолютное—X, но не искомый, а принимаемый къ свѣдѣнію *ad libitum*.

Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ послѣдняго времени мнѣ бросилась въ глаза особенность—предпочтительно употреблять слова: „божественный“, „божественность“ (въ безличномъ смыслѣ), „таинственная творческая сила“, „судьба“, „нѣчто“ и т. п., это тамъ, гдѣ нужно употребить *смысло* „Богъ“; при чемъ нѣкоторые (хотя и рѣдко) пытаются писать это слово съ малой буквы. Это мелочь, но характеризуетъ міровоззрѣніе: есть ли что, кромѣ этого міра, неизвѣстно, и слово „Богъ“ лишь приличный техническій терминъ для обозначенія *чего-то*. А какая грамматика требуетъ писать съ большой буквы техническій терминъ, развѣ нѣмецкая?

Предъ нами свѣжая статья г. М., которую трудно и статьей назвать. Это что-то подражательное частію псалмамъ, частію религіозно-поэтическимъ изліяніемъ свв. отцевъ. И вотъ что здѣсь читаемъ: „Есть ли Ты? Вѣрю уже безповоротно, что есть, и *счастлива тѣмъ, что не знаю, что Ты такое*“. Какое счастье въ этомъ „не знаю“, трудно угадать, но легко понять, какъ агностицизмъ заразилъ даже вѣрующую душу, какъ, значить, онъ широко разлился.

Логическимъ слѣдствіемъ агностицизма явилась приниженность идеаловъ минувшаго вѣка, которую отмѣчаетъ профессоръ, и прежде всего религіозныхъ. Безъ религіи и Бога человѣкъ не можетъ обойтись. Но безъ Бога что естественнѣй обоготворить другое, какъ не человѣка—этого титана земли? Гегеліанство и теантропическая философія Фейербаха и ведутъ къ этому. Философія эволюціонизма вторитъ, утверждая, что религіозные идеалы вымышляетъ самъ человѣкъ, по своему образу и подобию. Наконецъ, является О. Контъ съ своей позитивной религіей, придумавъ ей даже при-

О п е ч а т к а.

На стр. 16, строка 9 и 10 сверху

Напечатано:

смѣло „Богъ“;

Слѣдуетъ читать

слово „Богъ“;

О Н Е Ч Е Н

ИЗ СП. 16, СП. 17, СП. 18, СП. 19, СП. 20

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

личные обряды, Богъ — человѣческій разумъ. Едва ли не существуютъ и теперь въ Ю. Америкѣ храмы адептовъ новой религіи, гдѣ вмѣсто иконъ фигурируютъ портреты и бюсты геніевъ человѣчества. Но даже для трезвыхъ сыновъ вѣка это показалось уже слишкомъ. Человѣчество какъ-то такъ приучило себя, что въ религіи видитъ *традицію* стародавнихъ временъ, авторизованную древностью. И вотъ начинаются поиски религіи. Христіанство пугаетъ высотой своихъ надземныхъ идеаловъ, отрываетъ отъ земли, что очень не по вкусу трезвому и практическому, какъ увидимъ, направлению вѣка. Но вычеркнуть Христа было также невозможно. Даже Ренанъ сказалъ: „Ты (Христосъ) пребудешь краеугольнымъ камнемъ человѣчества, такъ что желающіе отнять имя Твое у свѣта должны поколебать его основанія“. Чтобы этого не сдѣлать и все же отстранить Христа, люди развѣнчали Его изъ Богочеловѣка въ простого человѣка, въ моралиста, которому можно слѣдовать и почитать, но не обожать его. Но христіанство не мертвая, а живая религія. Она категорически отказалась идти на такой компромиссъ, принять такія толкованія. И мятежное сердце устремляется въ глубь языческой древности, чтобы тамъ поискать религіозныхъ идеаловъ. Начинается усиленное изученіе древне-языческихъ религій, съ не менѣе тщательнымъ ихъ комментированіемъ, чѣмъ и Библии. Особенно повезло въ этомъ случаѣ конфуціанству и буддизму съ брахманизмомъ. Эти религіи наиболѣе подходили къ идеаламъ вѣка. Конфуціанство и буддизмъ — религіи антропотейстическія по преимуществу. Онѣ не рвутся въ высь неба. Одна изъ нихъ совсѣмъ не знаетъ надземнаго міра, а другая едва намѣчаетъ его, въ сущности все сводя на человѣка, который при хорошей жизни можетъ стать равнымъ небу и землѣ и не хуже ихъ улучшать жизнь міра. Мораль этихъ религій трезва, практична и нетребовательна, такъ — благонамѣренная средина между крайностями. Искомое было

найдено, имъ увлекаются. Не рѣшаемся категорически настаивать на заимствованіи, но при чтеніи книги Ольденберга слишкомъ бьетъ въ глаза разительное сходство между философской концепціей Гегеля и теоріей брахманизма, Шопенгауера и буддизма. Дряхлый буддизмъ, какъ характеризуютъ его серьезные изслѣдователи, насчитываетъ въ рядахъ своихъ адептовъ людей науки и цвѣтъ интеллигенціи. Въ книгахъ на религіозно-нравственныя темы имена Конфуція, Будды и друг. фигурируютъ съ не меньшимъ авторитетомъ, иногда большимъ, чѣмъ имя Христа, и считается какъ-будто неловкимъ при упоминаніи Христа не упоминать о нихъ. Такъ въ толпу заурядныхъ моралистовъ свели Христа, религія Кюего въ скромной роли *inter pares*, наконецъ, фигурируетъ на „всемирномъ конгрессѣ религій“, гдѣ не двусмысленно дается знать, что она даже не *prima inter pares*.

Такимъ образомъ, культъ человѣка или явно, или *implicite* въ различныхъ тенденціяхъ вѣка сталъ господствующимъ. Богочеловѣкъ встрѣтился съ человѣкобогомъ, какъ хорошо выразился Достоевскій, и уступилъ мѣсто послѣднему. Но таковъ законъ: на мѣстѣ опустошенной религіи всегда въ осуевившемся сердцѣ вырастаютъ ядовитыя грибы суевѣрія. И трезво-практической вѣкъ ударяется во всѣ виды суевѣрій и оккультизма, какъ трезво-практической купецъ, несмотря на всю свою практичность, чувствуя за собой грѣхи, томится предчувствіемъ чего-то таинственно-страшнаго и для успокоенія себя бѣжитъ къ колдуньямъ и гадалкамъ. Туда же побѣжалъ и практической интеллигентъ минувшаго вѣка. Явились провидцы, лжепророки и даже лжехристы, не исключая трезво-практической Америки. Поѣзда не успѣвали вмѣщать всѣхъ паломниковъ къ Шляттеру. Водворились какъ бы средніе вѣка. Исканіе философскаго камня для превращенія олова въ золото и жизненнаго элексира для уничтоженія старости не кажутся сумасбродствомъ, а являются серьезной

темой экспериментальных изслѣдованій, даже были попытки къ демонстраціи якобы удачныхъ результатовъ. Впрочемъ, во всемъ этомъ сказался безотчетный протестъ души, оторванной отъ таинственныхъ глубинъ вѣчности и прикованной, какъ древній Прометей, къ бесплоднымъ скаламъ безыдейной, сѣренькой дѣйствительности.

Если человекъ есть богъ, но если этотъ богъ „похожъ на путника, который началъ свою дорогу неизвѣстно съ какого пункта, невѣдомо зачѣмъ и куда его ведетъ эта дорога“, и „можетъ отдать себѣ отчетъ только въ предметахъ, встрѣчающихся по пути, при чемъ ни одинъ изъ нихъ ничего не говоритъ ему о *смыслѣ* (курс. под.) самаго путешествія“: то прочь беспочвенная метафизика! Одно цѣлесообразно—устроить здѣсь свою жизнь по хорошему, надѣясь только на себя, а не на то, „что кто-то придетъ и поможетъ намъ“, напр., „Христосъ на облакахъ“. Такъ и стало, а идеалы жизни приникли долу. Грезы романтиковъ частію осмѣяны, частію оставлены, „такъ—для большихъ okazji“. Мало-помалу къ концу вѣка водворилась практическая трезвость мысли, въ уровень съ религіозными идеалами, и погоня за „интересами“. И всѣ эти безчисленные „интересы“ сходятся въ одинъ идеалъ—достигнуть „уравненія сытости“, понимаемой въ широкомъ смыслѣ,—вопросъ, который, по пророчеству В. Соловьева, рѣшить окончательно только грядущій „сверхчеловѣкъ“. Отсюда доминирующее значеніе соціально-политико-экономическихъ вопросовъ, идеаловъ социализма и коммунизма, ученіе о желудочно-экономическихъ факторахъ исторіи. Съ легкой руки Шоенгауера званіе было провозглашено *единственной* панацеей отъ всѣхъ золъ, какъ и средствомъ рѣшенія „проклятыхъ“ вопросовъ. Наука поступила въ батрачки къ новому кумиру. Направленіе вѣка обусловило колоссальное развитіе техническихъ знаній, въ цѣляхъ эксплуатаціи. *Знать, чтобы эксплуатировать при-*

роду, — стало первымъ членомъ символа вѣры позитивнаго вѣка, не менѣ священнымъ, чѣмъ прежнее „credo“. Недавно сирашиваю мальчугана 12-13 лѣтъ: кѣмъ ты хочешь быть? — А мнѣ все равно, *получать бы 6 тысяч...* Комментаріевъ не требуется.

Девизъ вѣка сказанъ пагубно на всѣхъ явленіяхъ жизни. При такомъ настроеніи затруднительны порывы въ идеальную высь. Но „природу гони въ дверь — она влетитъ въ окно“. Богоподобную душу невозможно совсѣмъ сковать „властью земли“. Находятся души (и такихъ, говорятъ, не мало), что порываются къ высшимъ идеаламъ. Но птица, когда сидитъ долго въ клеткѣ, отвыкаетъ летать, и когда вырывается на волю, то бессильно падаетъ внизъ и прыгаетъ обратно въ тѣсную клетку. Такъ и эти души, отвыкшія отъ здоровыхъ началъ, бессильно падаютъ въ благородномъ полетѣ и ударяются въ противную крайность, а тамъ опять за идеальный порывъ. Эти души попадаютъ въ персонажи романовъ. Казалось бы, что этимъ персонажамъ нужно сочувствовать, а въ жизни поддержать благой огонь въ ихъ сердцахъ; но не такъ дѣлаетъ критика. Она безжалостно нападаетъ на нихъ, называетъ это „аскетической болѣзью“, „безуміемъ аскетизма“ и др. нелестными именами; приноминается исторія аскетизма — и тутъ достается безъ разбора всѣмъ аскетамъ и спеціально почему-то препод. Феодосію. Изъ-за чего же? Вотъ изъ-за чего (буквально): „Здоровые люди не должны чувствовать ни жара, ни озноба. Такъ точно и люди, чуждые аскетическихъ недуговъ, не дѣлаютъ исключительною цѣлью своей жизни ни самопожертвованіе въ пользу ближнихъ, ни какой бы то ни было культъ эгоизма и ублаженія своего тѣла... Нисколько не мѣшаетъ вамъ встрѣчать на каждомъ шагу тысячи и миллионы людей, которые честно и усердно исполняютъ какой-либо посильный трудъ, любятъ ближнихъ, готовы бывають, если понадобится,

жизнь свою положить за нихъ, но не дѣлаютъ изъ этого какую-либо особенную профессію, и... не воображаютъ, что любовь унижаетъ человѣческое достоинство, а стаканъ пива заглушаетъ совѣсть“. Такимъ образомъ страстно ломаются копья за идеаль уравнищенности между величайшей христіанской добродѣтелью и „стаканомъ пива“, съ нескрываемой боязнью потерять послѣдній.

На романъ Толстого „Воскресеніе“ за нѣкоторыя его тенденціи должно нападать, нѣкоторыя его страницы (въ заграничномъ изданіи) прямо гнусны; но геройское самоотреченіе Нехлюдова ужъ ни съ какой нравственной стороны порицать нельзя. Одинъ критикъ благодаритъ Толстого за „головомойку“, „что она освѣжила насъ, заставила встрепенуться“. Но это не мѣшаетъ критику, вмѣстѣ съ справедливой критикой фарисейско-сектантскихъ тенденцій графа, задать ему контръ-головомойку главнѣйше за то, что онъ „въ своемъ романѣ такъ далеко отошелъ отъ *міра сею* (курс. критик.), что намъ людямъ, по землѣ ходящимъ и на землѣ живущимъ, очень трудно войти съ нимъ въ непосредственное общеніе“, ибо графъ предлагаетъ намъ въ примѣръ „добродѣтели стопудовыя“; намъ давай тѣ, что не особенно диссонируютъ съ обычнымъ укладомъ жизни, и ихъ можно исполнять. Очевидно, оба критика сходятся въ поклоненіи конфуціанской морали, трезвой умѣренности и середины. На вопросъ о позволительности безграничнаго самоотверженія Конфуцій отвѣчалъ: „мудраго нельзя одурачить“. Видимо, эти поборники сѣренькихъ идеаловъ хотятъ быть „мудрыми“, „чтобы, какъ выражается Григорій Б., въ общемъ недостатокъ скрыть собственный“. Какъ будто не прописная истина, что „алчущія души“, всѣ эти подвижники религіи, науки, искусства, общественной дѣятельности—свѣтъ міру, безъ котораго наступили бы сумерки. Но они потому и свѣтъ, что въ нихъ больше лучей, чѣмъ въ окружающемъ, иначе они мерцали бы, а не свѣтили. Солнце на мил-

ліонныхъ разстояніяхъ, при минимальной температурѣ, развивается жизнь, но потому и развивается, что въ немъ температура высокаго максима; а если бы въ источникѣ его была низкая температура, что получилось бы на дальнихъ разстояніяхъ? *Если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова же тьма* (Мѣ., VI, 23)? Эта любовь къ сѣренькому однообразію, замѣтитъ къ слову, наложила отпечатокъ на моды вѣка: ничего яркаго и кричащаго, монотонная блѣдность цвѣтовъ, казарменное однообразіе, называемое „стильностью“, въ обстановкѣ, въ декораціяхъ. Иначе—„эксцентричность, дурной тонъ“! И всѣ хотять походить другъ на друга.

Идеалы искусства также пали. Благонамѣренный реализмъ, смѣнившій елейный романтизмъ, „выродился въ откровенный цинизмъ, какъ и въ эпоху цезарей, чтобы, въ тонъ съ эксплуататорскимъ вѣкомъ, эксплуатировать страсти толпы. И что позволяетъ себѣ сцена за границей, можно сказать развѣ только на ухо. Великихъ творцовъ поэзіи въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ вѣка смѣнили мастера поэзіи, которые иногда соединяются въ группы, чтобы написать одинъ романъ, одну драму, какъ суздальскіе живописцы пишутъ большія иконы: одинъ головы и торсъ, другой ноги. Не то, чтобы въ этихъ фабрикаціяхъ нѣтъ мысли, остроты наблюдательности, есть; но нѣтъ огня вдохновеннаго творчества. Въ нихъ преобладаетъ холодная разсудочность, разсчитанная тенденція. Онѣ походятъ скорѣе на умные протоколы или публицистическія статьи, для вящей образности обставленныя маріонетками съ человѣческими именами. Здѣсь сказалось направленіе вѣка, аналитическаго по преимуществу. Наука пыталась все разложить на составные элементы, все свести къ простѣйшимъ формуламъ, даже сложнѣйшія явленія духа, и едва ли не въ надеждѣ, что со временемъ даже Петрушкамъ Гоголя раскроется возможность изъ буквъ слагать не слова, а Иліады или Фауста. Какъ реакція этому направленію, развилась декаденщина. Какъ

протестъ, она въ основѣ законна, но безсмысленна въ исполненіи. То протестъ больныхъ людей, вскормленныхъ дурною пищей, капризь дурно воспитанныхъ дѣтей, которыя „на зло разсудку и стихіямъ“ „не вѣдаютъ, что творять“. Другія стали искать вдохновенія и идеаловъ жизни въ язычествѣ. Явились „убѣжденные язычники“, не двусмысленно проповѣдующіе возвратъ къ классической древности. Но эти господа не учителя, а истолкователи вѣка. Культура челоѣкобога не можетъ не тяготѣть къ языческимъ идеаламъ.

И такъ несомнѣнно, идеалы минувшаго вѣка понизились и сузились. И такъ должно было стать по тому одному, что *знать и знать*—стало первѣйшей обязанностью челоѣка. Знанія межъ тѣмъ росли съ головокружительной быстротой, такъ что обнять всю громаду ихъ стало не подь силу одному челоѣку (почему и являются компендіумы по разнымъ наукамъ), и они специализовались до вельзя. И хотя всѣ ученые работали надъ однимъ міромъ, но, замкнутые въ узкомъ кругѣ специальности, какъ каменотесъ въ пещерѣ, они весь міръ сузили до предѣловъ своей пещеры, и съ этой точки зрѣнія стали смотрѣть на него. Поэтому ихъ общее міровоззрѣніе таково, что хоть вонъ всѣхъ святыхъ изъ дома выноси. Въ свою пору Бѣлинскій напалъ на Лермонтова за то, что тотъ сказалъ, что „наше поколѣнье“ „состарится“ „подъ бременемъ *познанья*“. Поэтъ былъ прозорливѣй критика. Дѣйствительно —

„Мы изсушили умъ наукою безплодной,
„Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
„Надежды лучшія и голосъ благородный
„Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей“.

Гораздо труднѣе повѣрить, стало ли челоѣчество прошлаго вѣка хуже или лучше въ нравственномъ отношеніи.

Математически — точный отвѣтъ возможенъ бы былъ съ статистическими таблицами отъ прошлыхъ столѣтій и минувшаго вѣка, а ихъ нѣтъ. Но идеалы вѣка — достаточный показатель. Что идеалы лучше жизни, это бываетъ заурядъ, наоборотъ же не бываетъ. Обычно — каковы идеалы, такова и жизнь. Не слѣдуетъ увлекаться, какъ показателемъ, статистикой прогрессирующаго числа преступленій въ прошломъ вѣкѣ. Важно не число преступленій, а какъ реагируетъ на нихъ общество.

Уже въ началѣ вѣка Грибоѣдовъ отмѣтилъ типъ людей —

„Поспорять, пошумять — и... разойдется“.

Теперь цѣлый міръ являетъ это зрѣлище. Весь міръ шумитъ за Трансвааль, но —

„Поспорять, пошумять — и... разойдется“.

„Болѣзнь воли теперь повсемѣстное явленіе“, справедливо подмѣтилъ Ницше. Всенивелирующій сѣренькій идеалъ уравновѣшенности между порывами духа и безмятежнымъ прозябаніемъ за „стаканомъ пива“ наложилъ и здѣсь тяжелую руку.

Слабовольность — тяжкій недугъ; она притупляетъ силу реакціи добрыхъ инстинктовъ противъ злыхъ и пріучаетъ сживаться съ зломъ, идти на компромиссъ. Отъ этого натура мельчаетъ и дрябнетъ. Она хотя и становится менѣе способной къ гомерическимъ формамъ зла, зато насквозь пропитывается грѣховностью, и жгучій пароксизмъ преступной страсти замѣняетъ длительная и упорная „теплохладность“, — терминъ апокалипсическій, но усвоенный литературой для нелестной характеристики минувшаго вѣка.

„И венавидимъ мы, и любимъ мы случайно,

„Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,

„И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,

„Когда огонь кипитъ въ крови.“

Это сказано въ 1838 году и приобрѣтало смыслъ

crescendo, давъ право Ницше бросить въ лицо современниковъ злой афоризмъ: „*Смотри, я болѣзнъ*, говоритъ злое дѣло, и въ этомъ его честь. Но подобна грибку заразы мелкая мысль: она ползаетъ и кроется и не выдаетъ себя, пока отъ мельчайшихъ грибковъ все тѣло не станетъ драблымъ и хилымъ.“

Вмѣстѣ съ „теплохладностью“ развилась жутбая, какъ бы святочная, привычка страшливыхъ дѣтей и суевѣрныхъ крестьянокъ заглядываться на зло, какъ бы на страшный, но влекущій къ себѣ фантомъ,—главнѣйше къ концу вѣка. Это изобличаютъ литературные вкусы. Въ началѣ вѣка картины зла писались или какъ сарданическій памфлетъ на общество или какъ моральная фабула на тему: „порокъ наказывается, добродѣтель торжествуетъ“, чтобы заставить читателя пролить слезы умиленія, но въ обоихъ случаяхъ показать мощь добра, для чего рядомъ съ темными картинами ставились ярко-радужныя. Потомъ въ произведеніяхъ писателей стали преобладать тѣневя картины жизни, особенно въ реалистической литературѣ; стали детально разсматривать зло, выворачивая на изнанку главнымъ образомъ его психологію, и это въ гуманитарныхъ цѣляхъ—показать, что и преступникъ—человѣкъ и въ немъ есть искра Божія; какъ несчастнаго, его нужно жалѣть и лѣчить, а не только наказывать. Къ концу же вѣка мрачныя картины жизни стали преобладающими. Люди усиленно копаются въ самыхъ зловонныхъ язвахъ человѣчества, но не съ отвращеніемъ и жалостью, а съ какимъ-то сладострастіемъ и смакованіемъ, какъ полумистическій Жиль-де-Ре, при этомъ далеко не всегда считается нужнымъ выводить персонажи, комментирующіе здоровый порядокъ жизни. Но и этого показалось мало. Добрались до мистическихъ формъ зла. Захотѣлось съ жуткимъ удовольствіемъ заглянуть въ самую пасть ада, выворотить, такъ сказать, душу сатаны. Сбавите, къ чему и для

какой пользы съ фотографической точностью воскрешать давно сгинувшихъ титановъ зла, старательно выворачивать душу древней и средне-вѣковой демонологіи съ ея мрачной психологіей и изступленнымъ возстаніемъ на Бога и святыхъ Его? А между тѣмъ это любовно дѣлается во всѣхъ литературахъ, не исключая нашей. И въ этой дикой фантазмагоріи не видишь просвѣта, не отличишь добра отъ зла, Христа отъ антихриста. Зло окружено ореоломъ мрачной поэзіи, которая и пугаетъ и манитъ къ себѣ, какъ демонъ Тамару.

Здѣсь отдаетъ уже патологіей и разстройствомъ нервъ. XIX вѣкъ и не даромъ получилъ названіе „нервнаго вѣка“; на это были свои причины. Прогрессъ мчался съ изумительной быстротой. Каждый день приходилось переживать такую массу впечатлѣній, какую въ былые вѣка человекъ не переживалъ и въ годъ. У сына XIX вѣка стала кружиться голова, онъ не успѣвалъ, утомлялся психически и физически, его нервы разстроились. Односторонне-неправильная постановка учебно-воспитательнаго дѣла: не всегда въ достаточно-гигіеническихъ условіяхъ, при отсутствіи здороваго физическаго труда въ учебно-образовательной системѣ, въ связи съ разными излишествами, плодила поколѣніе за поколѣніемъ малокровное, нервное и хилое, плохо способное здорово реагировать на внѣшнія впечатлѣнія. Отсюда скука, сумасшествіе, бессмысленныя самоубійства, какъ и бессмысленныя кровавадыя преступленія стали характерной болѣзью вѣка. Тѣмъ же объясняется и вышеназванная характерная черта вѣка любоваться зломъ, съ любовію копать въ его мерзости.

Копаясь долго въ грязи, безъ соблюденія мѣръ чистоплотности, не трудно замараться такъ, что и не отмыться, — пожалуй и не захочется отмыться: такъ можно привыкнуть къ грязи. И это случилось съ публикой минувшаго вѣка. Зломъ стали рисоваться и даже требовать къ нему чуть не почтенія. Подъ вліяніемъ извѣстной литературы, закономѣрная

жалостливость къ преступнику перешла въ крайность, и получилось нѣчто несуразное: горючія слезы надъ преступникомъ, проповѣдь о непротивленіи ему и почти равнодушіе къ его жертвѣ. При такой путаницѣ не трудно было сдѣлать *salto mortale* отъ добра къ злу, что и сдѣлали декаденты, эстеты и проч., перевернувъ мораль на изнанку, поставивъ на мѣсто добра зло, воспѣвъ Люцифера вмѣсто Бога, а болѣе крайніе прямо ударились въ дьяволопоклонство съ его омерзительными мистеріями.

Эксплуататорскій духъ времени и непосредственно развращалъ общество. Согласно съ Евангеліемъ, нѣкто хорошо сказалъ: „золото и любовь несовмѣстимы“. И дѣйствительно изсякла „любы многихъ“. Сытыхъ стало больше, но и аппетиты стали требовательнѣй. Таковъ законъ: легкость добычи усиливаетъ алчу къ ней. Явились фанатики новаго символа. Образовался какой-то спортъ: кто кого переговитъ. Въ спортивномъ азартѣ до высокихъ ли чувствъ: таковъ законъ борьбы за существованіе. Явились обиженные и недовольные. У нихъ аппетиты тѣ же, но удача не та. Усилилась зависть и злоба. Образовалось два враждебныхъ лагеря; съ обѣихъ сторонъ выдвинуты боевыя ассоціаціи. Кризисъ обострился; благоразуміе вызвало арбитражъ и уступки. Отсюда широкая благотворительность въ разныхъ видахъ. Но милостыня не по любви, а холодному расчету — не радуется, а обижаетъ. Такъ одинъ изъ враждебныхъ лагерей и перешелъ въ другой вѣкъ съ злобой и завистью въ сердцѣ и съ девизомъ на флагѣ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, сдѣлавъ не одну попытку осуществить на дѣлѣ его первую половину. Это — характерное наслѣдіе XX-му вѣку отъ XIX-го въ Западной Европѣ и Америкѣ.

Духъ наживы въ широкомъ смыслѣ сдѣлалъ всѣхъ подозрительными и недовѣрчивыми другъ къ другу; отсюда милитаризмъ и: „готовься къ войнѣ, если хочешь мира“. На-

прасно челоѡколюбивый Монархъ взывалъ къ иному порядку жизни: практическихъ результатовъ не получилось. Напротивъ, какъ бы наперекоръ голосу любви, эксплуататорскій духъ воспринялъ во всей силѣ въ націи эксплуататорской по преимуществу и затѣялъ несправедливѣйшую войну.

Если съ своей расой эксплуататоръ не стѣсняется, то съ другими и подавно. „Вы въ Европѣ задыхаетесь въ собственномъ соку перепроизводства, и ваши финансисты отправляютъ въ дальніе края приказчиковъ; они съ револьверами въ рукахъ заставляютъ покупать европейскіе товары, которые вамъ некуда дѣвать.“ Такъ характеризовалъ на дняхъ Европу японскій дипломатъ, а полугодомъ раньше китайскій. Въ далекихъ краяхъ эксплуататоръ—европеецъ превращается въ варвара, которому доступны все жестокости, которымъ не считаютъ гнуснымъ апплодировать изысканныя леди и, какъ на боѣ гладиаторовъ, кричатъ: еще, еще. Недавно г. М. Энгельгардтъ написалъ книжку—„Прогрессъ, какъ эволюція жестокости.“ Несмотря на свою парадоксальность, книжка не вызвала изумленія, напротивъ, нѣкоторые критики нашли постановку тезиса „умной“ и нашли не излишнимъ провѣрить старую формулу: прогрессъ, какъ эволюція гуманности. Въ этой книжкѣ сказана горькая правда про Европу, истребившую систематически 95% цвѣтного населенія и утончившую все виды жестокости и пороковъ. XIX вѣкъ авторъ считаетъ поворотнымъ пунктомъ къ гуманности. Но все же находитъ, что поворотъ этотъ происходитъ крайне медленно. Тутъ онъ описываетъ поразительную жестокость европейцевъ XIX вѣка въ ихъ культуртрегерскомъ шествіи по разнымъ материкамъ: черному, красному и желтому. Въ заключеніе говоритъ: „Какъ бы то ни было, фактическаго поворота нельзя отрицать. Но исчезаютъ понемногу лишь грубыя формы жестокости, а индивидуализмъ: эгоизмъ, какъ наиболѣе приличествующая культурному челоѡку мораль; нажива, какъ по-

хвальнѣйшій стимуль дѣятельности; накопленіе и приумноженіе, какъ высшее назначеніе человѣка, — индивидуализмъ расцвѣтаетъ все пышнѣе и пышнѣе. Получается такимъ образомъ... двѣ эволюціи. Смягченіе нравовъ приводитъ къ ослабленію грубыхъ формъ жестокости, индивидуализмъ къ усиленію формъ жестокости болѣе тонкихъ. Бьютъ рублемъ, а не дубьемъ. Таможенная война влечетъ за собою много жертвъ, — разоренье, голодъ, смерть etc., но эти жертвы никто не убивалъ..., онѣ сами умерли*, — съ ироніей заканчиваетъ авторъ и заключаетъ: „Такимъ образомъ эта послѣдняя стадія моральнаго развитія человѣчества — стадія *меркантильной* морали (курсивъ автора)... вырабатываетъ, повидимому, типъ не жестокій, а бездушную моральную деревяшку * (209 стр.). Что хуже — трудно сказать. Но упрекъ, брошенный Ницше всему христіанскому міру: „вы — ходячее опроверженіе вашей вѣры“! — содержитъ много горькой правды. Укажите мнѣ, кто изъ писателей XIX вѣка не ругнулъ свое время, не помянулъ его недобрымъ словомъ? И философія „аристократическаго радикализма“ Ницше есть законное чадо своего вѣка, — не прямо же изъ ада она пришла, а выросла же изъ чего-нибудь на землѣ. Ницше предложилъ „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей“, т. е. беспощадную критику даже всего того, что дѣйствительно есть святого въ европейской вѣрѣ и жизни, и предложилъ новый принципъ переустройства жизни. Но если XX-й вѣкъ вздумаетъ осуществить этотъ принципъ, тутъ не далеко до явленія ницшеанскаго „сверхчеловѣка“, по-нашему — антихриста.

Окидывая ретроспективнымъ взглядомъ идеалы и дѣла вавувашаго вѣка и то наслѣдіе, какое онъ оставилъ своему преемнику, мнѣ сами собой вспоминаются стихи поэта:

„Гляжу на будущность съ боязнью,

„Гляжу на прошлое съ тоской“...

Недовольный своимъ вѣкомъ, поэтъ его воскликнулъ:

„Придетъ ли вѣстникъ избавленья
„Открыть мнѣ жизни назначенье,
„Цѣль упованій и страстей,
„Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ“?..

Разумѣется, никакой „вѣстникъ“ не придетъ, и вновь открывать „жизни назначенье“ никто не будетъ. Подобный „вѣстникъ“ уже давно приходилъ и обо всемъ этомъ тогда же повѣдалъ въ полнотѣ и ясности. И если при всемъ томъ чуть не каждый, умѣвшій держать перо въ XIX вѣкѣ, спрашивалъ объ этомъ такъ, какъ будто онъ до-христіанскій язычникъ, то спрашивалъ не потому, что не слышалъ про „Вѣстника“ (напротивъ, хорошо слышалъ), а потому, что *не върилъ* Его „благовѣстію, считая древнее: „Credo, ut intelligam“ — абсурдомъ. Въ обратномъ построеніи эта фраза для него еще имѣла кое-какой смыслъ, — онъ хотѣлъ *знать*. Знанье сгубило человѣка, но по паденіи оно же, поскольку ему причастно было Слово, и спасло его, приведя къ яслямъ „избавленья“ (сверхъестественный факторъ мы пока не беремъ въ расчетъ). Значить, если Слово причастно знанію новаго язычника, надежда не потеряна, онъ можетъ придти къ „Вѣстнику избавленья“, чтобы сказать не только: „Credo, ut intelligam“, но и: „*Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію*“. Все дѣло въ тѣхъ благихъ возможностяхъ, которыя заложилъ прогрессъ XIX-го вѣка. Но заложилъ ли? или же онъ со-всѣмъ *не устоялъ въ истинѣ*, такъ что *нѣтъ истины въ немъ* (Іоан. VIII, 44)? Да, заложилъ, а не то, что, какъ преувеличиваетъ проф. Глаголевъ, не завѣщаль „никакихъ идеаловъ, никакихъ грезъ, никакихъ широкихъ задачъ“ и: „сиди въ своей норѣ и не тянись къ небу“ — „таковъ завѣтъ, подсказываемый философією и наукою XIX столѣтія вѣку XX-му.“

Начать съ того, что „ignoro, ignogabimus“ минувшаго вѣка сильно смахиваетъ на „ignoro“ Будды. А Будда и его ученики

на вопросъ о бытіи вѣчнаго начала отвѣчали такъ, что изъ ихъ отвѣтовъ выходило скорѣе не то, что едва ли оно есть, но скорѣе то, что они не знаютъ, что оно и какое его значеніе. И Дюбуа-Реймонъ, изрекшій исповѣданіе — „ignoro et igno-
bimus“, первый же на лейпцигскомъ конгрессѣ естествоиспы-
тателей торжественно заявилъ, что одной матеріей и есте-
ственными законами нельзя всего объяснить, чѣмъ повергъ
многихъ любителей матерій въ немалое смущеніе. А затѣмъ
его „ignobimus“ не встрѣтило безусловнаго сочувствія ни
въ наукѣ, ни въ философской литературѣ. Существуютъ
авторитеты и въ той и въ другой области, которые подпи-
сались бы подъ слѣдующими словами социолога Штейна: „Мы
не считаемъ вмѣстѣ съ Кантомъ и Спенсеромъ великое X,
міровую субстанцію... непознаваемой, а только непознанной,
неразрѣшенной, при современныхъ научныхъ средствахъ —
ненаходимой... И не можемъ признать значеніе роковаго
вѣчнаго приговора за „ignobimus“ Дюбуа Реймона“¹⁾.
И на томъ спасибо! Такимъ образомъ заложена первая
возможность для рѣшенія въ благопріятномъ смыслѣ карди-
нальнаго вопроса нашей вѣры и цѣли „унованій“. Страш-
нымъ усиленіемъ разума минувшій вѣкъ похоронилъ легко-
мысленный атеизмъ XVIII вѣка и очевидно сдѣлалъ шагъ
впередъ. Быть можетъ, чрезъ это усиленіе вѣка сбудутся на-
дежды Вл. Соловьева, что человѣчество навсегда переживетъ
младенческую философію, отрицающую бытіе Бога. Великая
заслуга XIX вѣка очевидна. XX-му не начинать приходится,
а продолжать.

Еще болѣе важна апологетическая роль XIX в. предъ
безвѣріемъ XVIII вѣка по вопросу о духѣ конечномъ. XIX

¹⁾ „Русск. Мысль“, март., 62 стр. 1900 г. Когда Дарвинъ издалъ
свою книгу, англиканское духовенство обозвало ее „евангеліемъ сатаны“. Дарвинъ и его даровитѣйшіе послѣдователи возстали противъ этихъ на-
вѣтовъ и доказывали, что они не ведутъ борьбы съ Богомъ. Очевидно,
тутъ убѣжденіе, а не страхъ предъ чѣмъ-то, потому что бояться имъ было
нечего.

вѣкъ сдѣлалъ попытку экспериментально-научной постановки вопроса о душѣ и духовномъ. Тайнственные феномены духа, а ригоріи отвергавшіеся въ XVІІІ в., какъ наивныя суевѣрія, теперь научно констатируются и изучаются, и не какими — вибудь полусумасшедшими мистиками, а людьми трезвой науки, со вѣрными позитивными ея приѣмами. Ребячески — отважныя теоріи энциклопедистовъ теперь уже кажутся слишкомъ наивными. И серьезные эволюціонисты уже не столь категоричны въ отрицаніи духовнаго, какъ эти разшалившіеся ребятишки философіи. Изъ эволюціоннаго лагеря все громче начинаютъ раздаваться голоса, что за эволюціей матеріальнаго міра должна наступить эволюція одухотворяющаго начала, и къ нимъ прислушиваются. „Неовитализмъ“, пожалуй, даже „монизмъ“ — суть явленія уже далеко не материалистическаго порядка.

XІХ вѣкъ съ документальными данными въ рукахъ оспорилъ XVІІІ вѣкъ по вопросу о всеобщности и важности религіи и, кажется, открылъ возможность навсегда похоронить отрицательное рѣшеніе этого вопроса въ сколько-нибудь серьезномъ видѣ. Позитивисты открыто заявляютъ, что „наука бессильна противъ религіозной идеи“, „наука стихійно и неуклонно служитъ этой идеѣ“. И это — шагъ впередъ.

XІХ в. доказалъ единство всего сущаго и разумную стройность мірозданія, при этомъ такъ экспериментально-научно, что lamentаціи на этотъ счетъ Вольтера и др. кажутся беспочвенной игрой малосвѣдущаго ума. И это великое дѣло. Сама позитивная наука не безъ гордости указываетъ, что она рѣшила этотъ вопросъ на фактической почвѣ и доказала законмѣрность и правомѣрность альтруистическихъ чувствъ, создала возможность увеличивать сознательность нравственно-практической жизни и углублять совѣсть. Въ этомъ много правды.

XІХ в. далъ въ руки богослову безцѣнные научные

матеріалы по всѣмъ отдѣламъ научно-богословскаго вѣдѣнія, такъ что богословъ XX-го вѣка съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ Григорій Бог., можетъ сказать: „Полагаю, что всякій имѣющій умъ признаетъ первымъ благомъ и ученость. .. вѣшнюю, которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ... опасною и удаляющею отъ Бога. Небо, землю, воздухъ и все, что въ нихъ, не должно презирать за то, что нѣкоторые худо уразумѣли, и вмѣсто Бога воздали имъ божеское поклоненіе. Напротивъ того мы... извлекли изъ нихъ полезное даже для самаго благочестія, чрезъ худшее научившись лучшему, и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія. Посему не должно унижать ученость, какъ разсуждаютъ о семъ нѣкоторые; а напротивъ того нужно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный и избѣжать обличенія въ невѣжество“.

Въ словахъ св. отца богослову XX-го вѣка начертана цѣлая программа богословствованія — обращать въ „твердость нашего ученія“ данныя эмпирическихъ наукъ, и не формально-книжнымъ только путемъ, путемъ цитатъ изъ сочиненій по этой части, а *дѣйствительнымъ* изученіемъ этихъ наукъ со всѣми ихъ опытами, осмысленными въ философско-теологическомъ единствѣ, потому что какъ Григорій Б., такъ и тотъ, по поводу кого онъ сказалъ свои слова, Василій Великій, самымъ дѣломъ изучали эти науки, чтобы сложить ихъ къ престолу Вышняго. Не отъ того ли богословіе XIX вѣка хотя и было многоучено, но маловоспитывающе, что оно не шло въ уровень вѣка: больше держалось сухихъ книгъ, чѣмъ природы, больше формальныхъ наукъ, чѣмъ исполняло завѣтъ Псалмопѣвца: *Небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвъщаетъ твердь* (Пс. 18, 2) и ап. Павла: *Невидимая бо Его отъ созданія міра*

твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Ею и Божество (Рим. I, 20), — и обращало лицо питомца туда, гдѣ только *умопредставлялись* эти творенія въ общихъ чертахъ, а не созерцались самымъ дѣломъ въ ихъ мудрой законмѣрности и *невообразимой* красотѣ. Только книжнымъ путемъ едвали возможно пріучить *ощущать* въ явленіяхъ временныхъ дыханіе Вѣчнаго. Богословъ — натуралистъ, богословіе и природовѣдѣніе въ гармоническомъ единствѣ — вотъ что XIX вѣкъ завѣщаль XX-му.

Въ частности, для нашего православнаго богословія и православной философіи XIX вѣкъ оказалъ громадную услугу. Строго говоря, расцвѣтъ этихъ наукъ замыкается въ кругѣ XIX вѣка. Въ этомъ вѣкѣ появился рядъ блестящихъ богослововъ и философовъ, которые сумѣли съ нашей богословско-философской мысли отрясти иноземный прахъ и вывести её на торную дорогу патристическихъ воззрѣній и православно-христіанскаго міропониманія.

XIX вѣкъ развилъ колоссальную миссіонерскую дѣятельность и пронесъ Евангеліе *до послѣднихъ земли*. И Россіи принадлежитъ въ этомъ случаѣ не послѣдняя роль, хотя и у себя дома. XIX в. сблизилъ всѣ народы земли и проложилъ путь къ вселенскому сознанию своего единства.

Наконецъ, XIX вѣкъ ви́дрилъ въ общество сознаніе, что трудъ — благо людей, отучилъ отъ сибаритства прошлыхъ вѣковъ и развилъ широкую благотворительность вмѣстѣ съ широкимъ образованіемъ темныхъ массъ. Въ частности, въ Россіи XIX вѣкъ поднялъ національное самосознаніе и отучилъ отъ вреднаго подражанія иностранцамъ, почему воспитаніе и образованіе становится у насъ на русско-православную почву.

Господь не оставилъ XIX вѣкъ безъ особаго промышленія. Какъ будто въ отвѣтъ на дерзкій вызовъ Лапласа, что онъ побывалъ съ телескопомъ во всѣхъ углахъ вселен-

ной и нигдѣ Бога не видѣлъ, Богъ нарочито обнаружилъ себя позитивному вѣку въ сверхъестественныхъ феноменахъ, такъ сказать, далъ осознать Себя людямъ, которые привыкли все понимать чрезъ осознаніе. Позапрошлый вѣкъ не видалъ столькохъ знаменій всемогущества Божія, какъ XIX-й: появленіе чудотворныхъ мощей, чудотворныхъ иконъ, чудесныхъ исцѣленій, вызвавшихъ удивленіе даже ученыхъ, появленіе святыхъ личностей—прозорливыхъ и чудотворящихъ, на которыхъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ смотрѣлъ позитивный вѣкъ (смотреть и теперь) и у которыхъ даже образованные позитивисты и философы не находили предрасудкомъ искать совѣта и помощи,—чудесное спасеніе Царской Семьи и т. п.

Подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ даровъ XIX вѣка, люди на самомъ кончикѣ его стали вспоминать усиленно про Евангеліе и его завѣты, хоть пока толкуя ихъ вкривь и вкось, стали вспоминать Бога и чаще ходить въ церковь, —религіозныя темы стали модными во всѣхъ литературахъ.

Въ виду столькохъ благъ меня спросятъ: почему же я „гляжу на прошлое съ тоской“, „на будущность съ боязнью“? Потому, что въ минувшемъ вѣкѣ дѣйствительно много худого. Потому, что умственный прогрессъ не всегда соотносителенъ нравственному, а чаще опережаетъ его. Потому, что гуманность и филантропія XIX вѣка не имѣетъ твердаго базиса. Положимъ, оѣ покоятся на позитивныхъ данныхъ, но крѣпость ихъ сомнительна. На ихъ основаніи, оказывается, можно воздвигать и евангельскую мораль, и имморализмъ ницшеанскаго радикализма, плюсъ таковую же декаденщину. Скажутъ: это болѣзнь вѣка. Но кто поручится, что она не охватитъ большинство людей и не будетъ исцѣляющаго? Вѣра въ прогрессъ? Но это отдаетъ теологізмомъ, который вовсе не къ лицу позитивизму. Возьмемъ и то въ расчетъ: кто сказалъ позитивизму, что его научныя данныя, какъ химическіе неразложимые элементы, останутся навсегда „элемен-

тами“, и притомъ въ тѣхъ именно комбинацияхъ, въ ка-
кихъ они теперь есть, и вслѣдствіе какихъ ведутъ къ еван-
гельскимъ завѣтамъ? Никто. Тутъ вѣра, тотъ же теологизмъ.
Теологизмъ тѣмъ болѣе странный, что позитивизмъ только
что въ прошедшемъ году настойчиво твердилъ и даже съ
подчеркиваніемъ, что дѣло науки „только констатированіе
факта, а не объясненіе его“ (курс. подлинника), что наука
„идею міровой цѣли“, даже „законы причинности“ отодви-
гаетъ „въ область вѣры и поэтического творчества“,—при
этомъ условіи она становится „научилье“ (курс. подлинника).
Но альтруизмъ, гуманность и вся мораль что же есть иное,
съ точки зрѣнія позитивистовъ, какъ не „объясненіе“ конста-
тированныхъ фактовъ, какъ не признаніе „міровой цѣли“ и
„закона причинности“? Не ясно ли, что, упорно отстаивая
альтруизмъ и гуманность, наука вдвигается „въ область
вѣры и поэтического творчества“ и становится не „науч-
илье“? Не ясно ли, что наука хоть и отрецивается, но
объясняетъ эмпирическіе „факты“ по указкѣ Евангелія? И
правъ Толстой, что культурный человѣкъ XIX вѣка есть
новорожденный теленокъ, который не замѣчаетъ, что если
онъ прыгаетъ и скачетъ, то потому, что питается соками
матери, „Церкви“,—иссохни они—и онъ засохнетъ. И въ
тотъ день, когда это случится, наука, чтобы стать „на-
училье“, должна будетъ провозглашать проблематичность нрав-
ственности и условность альтруистическихъ чувствъ. Неутѣ-
шительный выводъ, къ которому, однако, нѣкоторые уже успѣли
прийти—и въ теоріи и въ практикѣ; другіе же, не находя
потребныхъ соковъ въ своей культурѣ, „сужденья черпаютъ“
ужь не „изъ забытыхъ газетъ“

„Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“,
а прямо изъ допотопной рухляди, въ родѣ конфуціанства,
буддизма, и носятся съ ихъ „сужденьями“, какъ будто того, что
есть въ нихъ хорошаго, нѣтъ въ Евангеліи!... И получается у

нихъ какая-то уродливая. узко-сектантская мораль, не то христіанская, не то языческая.

Теперь Европа стала лицомъ къ лицу съ тысячелѣтней дряхлостью Азіи, говорятъ о сліяніи культуръ; не диво, если скажутъ: наконецъ, явился „вѣстникъ избавленья!“.. Какъ же тутъ не глядѣть „на прошлое съ тоской“, „на будущность съ боязнью“?

У меня единственное утѣшенье, что XIX вѣкъ былъ чернорабочій. Онъ взялъ на себя всю черновую культурную работу по ислѣдованію силъ и законовъ осязаемой природы; онъ замаялся, ему было некогда поднять взоръ къ Небу и подумать. Что успѣлъ онъ сдѣлать, это — провалить грубое безвѣрье и матеріализмъ. Бѣлую работу онъ предоставилъ своему преемнику.

Человѣкъ, стояцій у грани двухъ столѣтій, въ правѣ повторить:

„Землѣ я отдалъ дань земную

„Любви, надеждъ, добра и зла.

„Начать готовъ я жизнь другую...

„Молчу и жду“...

Но время ли сказать послѣднія слова строфы: „пора пришла“, поживемъ — увидимъ.

А. Одоевъ.

Иннокентій, архіепископъ Херсонскій.

(Къ памяти столѣтія со дня рожденія).

Пресвященный Иннокентій, въ мѣрѣ Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, родился въ 1800 г., 15 декабря. Онъ былъ сынъ священника г. Сѣвска, Орловской губ., обучался послѣдовательно въ Сѣвскомъ духовномъ училищѣ, Орловской семинаріи и Кіевской академіи. Еще будучи студентомъ, Борисовъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ блестя-

щими способностями. Не довольствуясь слушаніемъ однѣхъ академическихъ лекцій, онъ очень много и внимательно читалъ и изъ своихъ чтеній нерѣдко составлялъ цѣлыя системы, которыя съ глубокимъ знаніемъ дѣла и краснорѣчиво излагалъ предъ своими заинтересованными и всегда внимательными товарищами. На студенческой же скамьѣ будущій великій проповѣдникъ проявилъ себя и церковнымъ ораторомъ. Въ четырехъ напечатанныхъ имъ въ это время словахъ всѣ отмѣтили его глубокое самобытное дарованіе.

Успѣшно окончивъ академію въ 1823 году, на 23 году своей жизни, И. Борисовъ поступаетъ профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка въ Петербургскую духовную семинарію, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получаетъ ректорство въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ въ декабрѣ того же 1823 года принимаетъ монашество съ именемъ Иннокентія. Въ 1824 году назначается бакалавромъ богословскихъ наукъ въ Петербургскую академію, а еще черезъ семь мѣсяцевъ инспекторомъ этой академіи. Его лекціи здѣсь создали ему славу отличнаго профессора, — по нимъ студенты легко и живо знакомились съ современнымъ состояніемъ богословія и философіи не только въ Россіи, но и на Западѣ. Его историческія сочиненія: „Жизнь св. ап. Павла“ и „Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“, написанныя въ это время и напечатанныя въ „Христіанскомъ Читеніи“, сразу подняли академическій журналъ въ жизни читающаго общества.

Въ 1830 г. Иннокентій былъ назначенъ ректоромъ въ Кіевскую академію (съ 1826 г. онъ былъ уже архимандритомъ), и десять лѣтъ управлялъ ею, посвятивши ей всѣ свои силы. Его заботами Академія оживилась и высоко поднялась въ научномъ отношеніи. Особенное вниманіе Иннокентій обратилъ на проповѣди студентовъ, — всегда самъ разсматривалъ ихъ и по цѣлымъ часамъ говорилъ съ писавшимъ о предметѣ его сочиненія, о важности проповѣдыванія вообще и проч.. Въ то же время онъ и самъ неумолчно проповѣдывалъ въ Софійскомъ соборѣ, Печерской лаврѣ и Братскомъ

монастырѣ и повсюду привлекалъ своимъ талантомъ несмѣтныя толпы народа. О его упорномъ и плодотворномъ трудѣ въ это время свидѣтельствуеетъ то, что за двѣ недѣли—сырную и первую великаго поста(когда онъ еще неопустительно посѣщалъ церковное богослуженіе),—онъ успѣлъ написать около 80 листовъ своихъ замѣтокъ и проповѣдей. Въ Кіевѣ же Иннокентій предпринимаетъ изданіе „Воскреснаго Чтенія“ и такъ хорошо ставитъ этотъ журналъ, что вышедшіе при немъ номера всегда были интереснѣйшими.

Въ 1836 году Иннокентій получаетъ назначеніе епископомъ Чигиринскимъ, викаріемъ Кіевской епархіи, и скоро слагаетъ съ себя обязанности профессора, а въ 1839 году—и обязанности ректора. 1 марта 1841 года онъ назначается епископомъ въ Вологду, но черезъ девять мѣсяцевъ переводится въ Харьковъ, гдѣ остается до 1847 года,—въ этомъ году вновь переводится на кафедру Херсонскую, на которой уже и остается до своей смерти. На всѣхъ трехъ кафедрахъ преосв. Иннокентій проявлялъ самую широкую и плодотворную дѣятельность, выступая не только какъ архипастырь вѣрненной ему епархіи, но и какъ общественный дѣятель въ обширномъ смыслѣ этого слова. Особенно много онъ потрудился на кафедрѣ Херсонской. Въ трудный 1854 годъ во время Крымской войны онъ явилъ себя самымъ искреннимъ и горячимъ патриотомъ и проповѣдникомъ вѣрноподданническихъ чувствъ съ церковной кафедры. Умеръ преосвященный Иннокентій въ Одессѣ въ 1857 году, въ день сошествія Св. Духа, въ тотъ самый день, въ который онъ совершалъ здѣсь первую литургію по пріѣздѣ на мѣсто своего служенія.

Много сдѣлалъ и много пользы принесъ отечеству дѣятельный Херсонскій архипастырь, но замыслы почившаго были еще шире, чѣмъ могли исполниться при его жизни: преосвящ. Иннокентій хотѣлъ собрать всѣ древности Крыма, хотѣлъ издать всѣ древніе документы, касающіеся Православной Церкви. Но эти широкія его желанія уже не могли осуществиться.

Послѣ преосвященнаго Иннокентія осталось однихъ

проповѣдей около 500, нѣсколько историческихъ сочиненій и обширнѣйшая, еще не изданная и доселѣ, его переписка съ друзьями, знакомыми и выдающимися современными ему общественными дѣятелями.

Сочиненія преосвящ. Иннокентія кромѣ повременно выходившихъ въ свѣтъ отдѣльныхъ сборниковъ его проповѣдей, были напечатаны сначала въ сокращенномъ „общедоступномъ“ изданіи въ шести томахъ, а затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ въ 11 томахъ. Но оба эти изданія уже совершенно разошлись, и чувствуется потребность въ новомъ изданіи, которое бы могло удовлетворить спросъ читающаго русскаго общества. Эту послѣднюю задачу, нынѣ вполне своевременную, берется выполнить одинъ изъ свѣтскихъ журналовъ— „Новый Міръ“, предлагая въ наступающемъ 1901 году своимъ подписчикамъ произведенія великаго архипастыря и проповѣдника въ видѣ годового приложенія.

С Л О В О

въ память столѣтія со дня рожденія Иннокентія, архіепископа Херсонскаго ¹⁾).

Сегодня исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія великаго русскаго архипастыря, высокопреосвященнаго Иннокентія Херсонскаго. „Гдѣ и кто не зналъ его имени. Со смертію его всѣ осиротѣли“, такъ говорилось въ одномъ изъ надгробныхъ словъ почившему святителю. Дѣйствительно, кто не зналъ имени великаго Иннокентія,—опытнаго педагога, глубокомысленнаго богослова, многосторонняго ученаго, неподражаемаго проповѣдника, выдающагося церковнаго дѣятеля, гуманнѣйшаго человѣка, просвѣщеннаго архипастыря, духовнаго отца и отзывчиваго совѣтника. Всѣмъ, кому дороги интересы богословской науки и Церкви, это имя глубоко памятно, близко и дорого.

---

¹⁾ Сказано въ Семинарской церкви 15 декабря 1900 г.

Первые шестнадцать лѣтъ по окончаніи Академіи почившій архипастырь принадлежалъ исключительно и безраздѣльно наукѣ, послѣдовательно занимая должности: профессора и инспектора С.-Петербургской семинаріи, профессора и инспектора С.-Петербургской академіи, профессора и ректора академіи Кіевской. Несмотря на то, что ни на одномъ изъ этихъ постовъ Иннокентію не пришлось остановиться надолго, онъ выполнилъ свое назначеніе съ небывалымъ успѣхомъ и честью. Ни на одну минуту не теряя свѣжей мысли и горячаго чувства, воспріимчивый и впечатлительный ко всему прекрасному и возвышенному, молодой педагогъ не зналъ другого наслажденія, кромѣ умственнаго труда, не имѣлъ другого времяпровожденія, кромѣ научной и литературной дѣятельности. Онъ постоянно занимался разными науками и, добытыя усиленнымъ трудомъ знанія, съ удивительною быстротою и легкостію воспроизводилъ въ своихъ литературныхъ трудахъ, лекціяхъ и церковныхъ импровизаціяхъ. Всѣ преподаваемые имъ науки въ его чтеніи получали для слушателей особенный интересъ и значеніе. Его непосредственное обращеніе въ семьѣ учащихся и учащихся воодушевляло всѣхъ энергіею и любовію къ наукѣ, — для профессоровъ онъ былъ всегда братомъ, другомъ и совѣтникомъ, а для учащихся — нѣжнымъ и добрымъ отцомъ. Заботливостію Иннокентія поднялся и принялъ широкое распространеніе начавшій падать академическій журналъ „Христіанское Чтеніе“, его трудами ученость въ академіяхъ поднялась на небывалую дотолѣ высоту, — десятилѣтнее управленіе имъ Кіевскою академіею создало особый моментъ въ ея исторіи, и за эти десять лѣтъ Академія по справедливости можетъ называться „Академіей Иннокентія“. Нѣкоторыя богословскія науки (богословіе основное, практическое и обличительное) отъ него получили впервые свое опредѣленіе, программу и ея осуществленіе. Благодаря его заботамъ, преподаваніе богословскихъ наукъ изъ отвлеченныхъ схоластическихъ формъ перешло на живую почву, — его методъ имѣлъ дѣло съ современными направленіями богословской

мысли и общественнаго сознанія. Онъ отмѣнилъ преподаваніе богословскихъ наукъ на латинскомъ языкѣ, сильно связывавшемъ свободу богословствующей мысли.

Глубокимъ и всестороннимъ знаніямъ Иннокентія удивлялись всѣ его окружающіе. Онъ могъ говорить обо всемъ, во всякій разговоръ могъ влить затрагивающій интересъ и живость. Это былъ поистинѣ человѣкъ науки,—глубоко и близко зналъ онъ философію, естествознаніе, анатомію, всеобщую, русскую, церковную и гражданскую исторію, археологію, геологію и палеографію. Нечего говорить о глубокомъ знаніи имъ богословскихъ наукъ и Св. Писанія, онъ былъ знакомъ съ политической экономіей и государственнымъ правомъ.

Всѣми этими науками онъ интересовался еще будучи студентомъ, занимался служба въ Академіи, продолжалъ изучать ихъ и во время своего епископства въ Вологдѣ, Харьковѣ и Херсонѣ. Одиннадцать объемистыхъ томовъ сочиненій Иннокентія далеко не исчерпываютъ всѣхъ его трудовъ въ области науки. И его энергія и любовь къ ученымъ трудамъ и занятіямъ не угасала съ годами, а, наоборотъ, росла и усиливалась, даже въ ущербъ его физическому здоровью. И удивительнѣе всего то, что, постоянно находясь за книгами, и отойдя отъ міра съ раннихъ лѣтъ, Иннокентій не былъ сухимъ, книжнымъ человѣкомъ, не носилъ печать той кабинетной замкнутости, которую налагаетъ на труженика непрерывная научная работа. Напротивъ, жизнь, увлеченія, нужды и интересы человѣка онъ понималъ лучше другихъ. Со всѣми мягкій, ласковый и благородный, онъ понималъ и снисходилъ и къ увлеченіямъ юности и къ гнету матеріальной нужды. Человѣкъ келейный, онъ своимъ присутствіемъ оживлялъ и объединялъ самое разнообразное общество, а академическіе экзамены дѣлалъ настолько интересными, что о нихъ съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаютъ во всю свою жизнь его питомцы. Человѣкъ, ушедшій отъ міра и всѣхъ нуждъ его, онъ постоянно ходатайствовалъ за бѣдныхъ и самъ помогалъ нуждающимся, постоянно ободрялъ и под-

держиваль всякаго честнаго труженика Человѣкъ кабинетныхъ занятій, онъ съ удивительною чуткостью и дальновидностію умѣль угадывать возникающіе таланты и даваль имъ своевременно направленіе. Человѣкъ, можно сказать, весь ушедшій въ книги, онъ носилъ въ себѣ столько жизненной энергіи и силы, что глубоко и безповоротно вліялъ на души своихъ слушателей, и изъ его учениковъ выходили горячіе ученые и дѣятели, проникнутые неподдѣльною любовію къ своему учителю. Преосвященный Димитрій Херсонскій, Филаретъ Гумилевскій, Іоаннъ Смоленскій и многіе другіе были его учениками и послѣдователями, направлявшіе свою дѣятельность по его завѣтамъ.

Не менѣе знаменитъ былъ преосвященный Иннокентій и силою своего церковнаго слова. Онъ былъ ораторъ церковный въ общечеловѣческомъ смыслѣ. Его врожденный ораторскій геній въ немъ удивительно удачно соединился съ его глубокимъ, научнымъ и художественнымъ образованіемъ. „Въ словѣ его“, по замѣчанію одного изслѣдователя, „удивительно много жизни, силы свѣтлаго, пронизательнаго и гибкаго ума, творческаго воображенія, мужественной воли, живой и глубокой вѣры“. Насколько сильно было обаяніе его слова, можно судить по тому, что присылаемый имъ кому—нибудь изъ знакомыхъ экземпляръ его проповѣдей немедленно по выходѣ извѣстнаго тома успѣвалъ обходить весь городъ прежде, чѣмъ кто-либо могъ выписать другой такой же томъ изъ Москвы. Томъ распредѣлялся для чтенія между высшими лицами города по часамъ, составлялись кружки для скорѣйшаго прочтенія его проповѣдей въ собраніяхъ. Для книгъ придумывались особые переплеты, хитроумныя украшенія, въ гостиную сановниковъ ставился особый столикъ для книгъ съ проповѣдями архіепископа. И послѣ каждаго новаго тома проповѣднику посылалось множество благодарственныхъ писемъ, наполненныхъ чувствами неподдѣльнаго восторга и благоговѣйнаго уваженія къ оратору. Для духовенства же слова и рѣчи Иннокентія служили настольной книгой и лучшимъ руководствомъ для проповѣданія. И не только у

насъ, но и за границей проповѣди Иннокентія имѣли огромный успѣхъ. Еще при жизни проповѣдника онѣ были по частямъ переведены на языки: французскій, нѣмецкій, греческій, польскій, сербскій и армянскій, и стали извѣстны на Западѣ едва ли не раньше главнѣйшихъ произведеній нашихъ великихъ поэтовъ.

Такому внѣшнему успѣху проповѣдей Иннокентія вполне соответствовали и внутреннія достоинства его слова. „Читаешь проповѣди Иннокентія, словно медъ пьешь“, говорилъ о немъ маститый митрополитъ Серафимъ. Дѣйствительно, близкое знакомство съ его проповѣдническими трудами каждому говорить, что это былъ не просто пастырь-проповѣдникъ, скромно поучающій свою паству, а выдающійся и замѣчательный церковный ораторъ. Въ его словѣ видны и богатство знаній, и обиліе духовныхъ дарованій, и присутствіе той нравственной силы, которая подъ воздѣйствіемъ религіозной идеи высоко поднимаетъ, возвышаетъ и очищаетъ мысль и чувство и самого говорящаго и его слушателей. Быстрый и широкій полетъ мысли, богатая и творческая фантазія подсказывали ему тѣ исполненныя художественной красоты и внутренней прелести формы, которыя дѣлаютъ живыми, интересными и доступными самыя отвлеченныя мысли.—Талантъ Иннокентія начерталъ въ словѣ тотъ христіанскій идеалъ жизни, который поражалъ и трогалъ умъ и сердце и наполнялъ каждого религіознымъ благоговѣйнымъ восторгомъ.

Чѣмъ же объясняется такой успѣхъ и такое обаяніе проповѣдей высокопреосвященнаго Иннокентія? Объясняется тѣмъ, что проповѣдникъ и въ области церковнаго слова сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ въ области науки, и здѣсь онъ перенесъ богословскую мысль изъ отвлеченной формы на современную доступную каждому почву. Почва эта—жизнь со всѣми ея насущными требованіями. То, что проповѣдникъ говорилъ вообще о христіанскихъ обязанностяхъ, на этой почвѣ выходило необходимымъ требованіемъ человѣческой жизни. Отсюда тотъ живой тонъ, богатый широкими сопо-

ставленіями и остроумными сближеніями, который увлекалъ слушателей и открывалъ предъ ними новыя области мысли. И проповѣди Иннокентія были настолько жизненны и такъ отвѣчали современнымъ запросамъ ума, что по нимъ слушатели знакомились съ результатами современной науки, обогащались знаніями, развивали свою мысль и чувство изящества. Проникнутое глубокою силою возбужденія, слово Иннокентія—вмѣстѣ съ тѣмъ обладало и той живой правдой, которая непосредственно и сильно дѣйствуетъ на душу человѣка. Художественныя картины въ его проповѣди незамѣтно, но глубоко посвящали слушателя въ тайны духовной жизни и возбуждали общезанимательные для каждаго вопросы. „А ему были хорошо извѣстны всѣ мысленныя волненія“, говоритъ о немъ Кирѣевскій, „и всѣ хитросплетенія современной науки не могли представить ему возраженія... Этимъ объясняется дѣйствіе его проповѣди, равно согрѣвающей сердце человѣка безграмотнаго и многоученаго. Это — теплое слово вѣры твердой, не безсознательной, но уже испытавшей упорную борьбу съ разумомъ, вѣры мыслящей и непобѣдимо прошедшей сквозь всѣ нападенія свѣтской мудрости, сквозь всѣ затрудненія оторвавшейся отъ неба науки“. Прибавимъ еще въ заключеніе, что глубокосвѣдущій въ свѣтскихъ наукахъ, проповѣдникъ однако въ своемъ словѣ не надѣялся на человѣческую мудрость въ рѣшеніи истинъ вѣры, но всегда надѣялся на силу и мудрость Духа Божія. Этою глубокою своею вѣрою Иннокентій дѣлалъ непостижимыя тайны ученія Христіанскаго обаятельными для сердца и авторитетными для ума.

Таковы неоспоримыя достоинства проповѣдей Иннокентія. И достоинства эти въ исторіи русскаго проповѣдничества не прошли незамѣтными. Послѣ Иннокентія русская проповѣдь увеличилась количественно и измѣнилась качественно. Возникла новая Иннокентіевская школа, къ которой принадлежали и на правилахъ которой воспитались многіе видные проповѣдники (Мы уже упомянули, что Димитрій, архіепископъ Херсонскій, Іоаннъ Смоленскій и др. были

послѣдователями Иннокентія). Приемъ Иннокентія въ писаніи и произношеніи проповѣдей съ церковной каеедры и до сихъ поръ является примѣрнымъ и имѣетъ глубокое значеніе для каждаго проповѣдника.

Такъ шли научныя занятія и проповѣданіе Иннокентіемъ слова Божія. Но архіепископъ глубоко интересовался и занималъ видное мѣсто и въ общественной и не только церковной, но и гражданской дѣятельности. Къ нему постоянно обращались за совѣтами оберъ-прокуроры Св. Синода — Нечаевъ и гр. Протасовъ — по разработкѣ различныхъ текущихъ вопросовъ церковной жизни, съ нимъ часто совѣтуются министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ народнаго просвѣщенія, съ нимъ переписывается сама Императрица Александра Ѳеодоровна по дѣлу объ устройствѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Къ нему, писали множество писемъ и по всевозможнымъ дѣламъ многіе вельможи и губернаторы, у него просятъ совѣта даже въ устройствѣ цистернъ въ г. Воронежѣ... и на всѣ эти многочисленныя письма и просьбы и безъ того заваленный дѣлами архіепископъ находилъ время и силы отвѣчать и совѣтовать. Мало этого, онъ самъ и по своему личному почину часто выступаетъ съ различными проектами и докладными записками, заботится о благоустройствѣ и улучшеніяхъ въ своей епархіи, простираетъ свои заботы на всю Россію, болѣе этого интересуется и вліяетъ на ходъ дѣлъ и за дѣлами отечества. Высоко стоялъ и ярко горѣлъ свѣтильникъ его великаго ума и свѣтилъ не только тѣмъ, иже въ храминѣ суть, но проливалъ свѣтъ и на тѣхъ, иже не суть отъ двора нашего. Другъ историка Погодина, онъ и самъ былъ весь проникнутъ глубокою любовію къ славянству, даже превзошелъ своего друга, заботясь и вообще обо всѣхъ единовѣрцахъ Востока. Текущія дѣла въ Болгаріи и Греціи глубоко и серьезно всю жизнь интересовали его, — навсегда примирить грековъ съ славянами — было его завѣтною мечтой. Уже за мѣсяць до своей смерти онъ занимался дѣятельною отпискою по дѣламъ болгарскимъ и хлопоталъ о

надѣленіи бѣдныхъ болгарскихъ церквей богослужебными книгами

Въ такихъ многостороннихъ, научныхъ и общественныхъ занятіяхъ протекала жизнь великаго архипастыря. Казалось бы, ежечасно занятый своими отвѣтственными и широкими планами и работами, архіепископъ не будетъ имѣть достаточнаго времени на дѣла чисто пастырскія. Было основаніе опасаться, что Иннокентію не достанетъ времени быть истиннымъ архіереемъ, духовнымъ отцомъ и постояннымъ руководителемъ своей многочисленной паствы, но геній Иннокентія и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ личность его великою. Послѣ митрополита Филарета онъ былъ самымъ виднымъ и дѣятельнымъ іерархомъ своего времени. Въ Вологдѣ онъ былъ епископомъ всего только 9 мѣсяцевъ, но и за это малое время успѣлъ объѣхать очень значительную часть обширнѣйшей епархіи, успѣлъ посѣтить самыя глухіе и непроходимыя ея уголки, изучилъ нужды паствы, возстановилъ нѣсколько монастырей, строилъ благотворительныя учрежденія и возбудилъ столько серьезныхъ и полезныхъ предпріятій, что многія изъ нихъ только могли окончиться послѣ него, при его преемникахъ. А его любовь къ паствѣ, заботливость о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ ея—безпримѣрны. Онъ любилъ свою паству прежде, чѣмъ видѣлъ ее, привязывался къ ней всѣмъ своимъ существомъ, радовался ея радостями и скорбѣлъ ея несчастіями, заботился о ней, какъ любящій отецъ, возбуждая пастырей къ ревности проповѣданія слова Божія и воспитанію народа; со всѣми былъ добръ и мягокъ и, не щадя лжи и сильно обличая неправду, никого не наказывалъ жестоко и не употреблялъ иныхъ мѣръ, кромѣ отеческихъ. Достаточно сказать, что всякій сельскій священникъ могъ свободно и во всякое время являться къ нему со всѣми своими нуждами, или даже просто писать письмомъ по почтѣ. Рассказываютъ, что въ бытность свою въ Одессѣ архіепископъ глубоко скорбѣлъ, когда узналъ изъ письма одного священника о его долготѣнней нуждѣ и въ отвѣтномъ письмѣ къ нему съ нѣжнымъ упре-

комъ написалъ: „Боже мой, да что же вы молчали доселѣ. Неужели у васъ не нашлось листа бумаги?“ Умѣлъ преосвященный Иннокентій говорить и съ простымъ крестьяниномъ, могъ обласкать и ободрить всякаго. И не было ни одного людского горя, о которомъ бы зналъ архипастырь и не болѣлъ душою. Онъ помогалъ бѣдности, нѣкоторыхъ содержалъ на своемъ иждивеніи, съ теплымъ участіемъ относился къ заключеннымъ въ тюрьмахъ и острогахъ, скорбя и съ любовію относился къ раскольникамъ и сектантамъ....

Прибавимъ къ этому, что Херсонскій архипастырь всегда былъ вѣренъ уставамъ Церкви, всю жизнь былъ глубоко религіознымъ и вѣрующимъ человѣкомъ. Его шествіе для совершенія литургіи, по замѣчанію очевидца, „казалось шествіемъ необыкновеннаго земнаго существа, отъ него вѣяло какимъ-то необъяснимымъ дыханіемъ.... Въ лицѣ владыки какъ будто отражалось, что онъ проникнуть міровою тайной искупленія рода человѣческаго“. Молитва его всегда была сильна и пламенна,—всякій, кто видѣлъ его молящимся на паннихидахъ, говорилъ: „я не забуду этого молящагося лица, этихъ слезъ“. И съ религіознымъ одушевленіемъ въ немъ всегда соединялась и великая сила духа,—такъ, во время Крымской войны, онъ подъ градомъ пуль и бомбъ свободно ходилъ среди воиновъ и утѣшалъ ихъ молитвою и словомъ ободренія.

Таковы неизгладимыя черты пастырскаго духа преосвященнаго Иннокентія. По словамъ Погодина, онъ былъ болѣе, чѣмъ только архіерей, богословъ и витія. Онъ былъ великій русскій гражданинъ, душа котораго съ великимъ участіемъ отзывалась на всѣ вопіющіе вопросы отечества, сердце котораго болѣло всѣми его ранами, умъ котораго былъ постоянно занятъ мыслями объ ихъ исцѣленіи, который былъ готовъ всегда пожертвовать для него своею жизнію. Онъ былъ другъ всего человѣчества, человѣкъ государственный.

Много и долго можно было бы еще говорить объ обаятельной личности выдающагося архипастыря, но краткость рѣчи заставляетъ окончить. Скажемъ въ заключеніе, что личность Иннокентія—личность историческая, такіе люди со-

здають особья направленія въ области мысли и не проходятъ безслѣдно въ общемъ развитіи. Геніальная личность Иннокентія имѣеть поэтому глубокой интересъ и воспитательное значеніе для всякаго интересующагося исторіей отечества, тѣмъ болѣе имѣеть значеніе для общественнаго дѣятеля и еще болѣе для насъ, какъ призванныхъ и поставленныхъ къ тому дѣлу, которому всѣми силами ума и сердца до послѣдняго вздоха служилъ великой Архипастырь. Неусыпная дѣятельность его должна служить для насъ примѣромъ, ободреніемъ и побужденіемъ. Вы, какъ питомцы духовной школы, призванные къ пастырскому служенію, должны твердо и навсегда своимъ отзывчивымъ сердцемъ усвоить и провести въ жизнь добрыя качества души Херсонскаго архіепископа. Дѣятельность и обликъ Иннокентія должны предноситься постоянно въ вашемъ будущемъ пастырскомъ служеніи, и этотъ нравственный обликъ подастъ вамъ силы въ неудачахъ и трудѣ, даруетъ утѣшеніе въ пастырскихъ скорбяхъ, ободритъ въ колебаніяхъ, возставитъ и утвердитъ въ ослабленіи. Глубокая преданность вѣрѣ и Церкви, отеческое самоотверженіе и любовь къ пасомымъ, неподдѣльная искренность и постоянная отзывчивость на всѣ требованія общества, любовь къ труду и вѣра во все доброе, постоянная религіозная настроенность и самоуглубленность, общительность и пастырская ревность, простота и сердечность—эти качества создали преосвященному Иннокентію глубокое уваженіе среди современниковъ. Эти же качества души долженъ воспитать въ себѣ и каждый пастырь, чтобы религіозно и нравственно воздѣйствовать на общество.

Будемъ же, братіе, съ глубокимъ уваженіемъ всегда вспоминать о личности такъ много потрудившагося на пользу Церкви, вѣры и отечества Владыки, и нынѣ помолимся о немъ, чтобы за свою многочестную, вѣрную и глубокополезную пастырскую дѣятельность на землѣ, почившій архипастырь стяжалъ себѣ неувядаемый вѣнецъ славы въ жизни будущей, въ селеніи праведныхъ Аминь.

Х Р О Н И К А.

— 20 декабря 1900 г., въ 7 час. вечера, въ покояхъ Епархіального Преосвященнаго, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнѣйшаго Алексія, Епископа Вятскаго и Слободскаго, состоялось засѣданіе Вятскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества. Послѣ разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ, присутствовавшій въ собраніи инородческій миссіонеръ по Глазовскому уѣзду, священникъ Ст. Крекнинъ, представилъ Комитету переводы на вотскій языкъ наиболѣе употребительныхъ чтеній изъ Евангелія и просилъ Комитетъ возбудить предъ кѣмъ слѣдуетъ ходатайство о разрѣшеніи напечатать эти переводы, какъ вполнѣ понятные для вотяковъ Глазовскаго района. Комитетъ согласился возбудить ходатайство объ изданіи наиболѣе употребительныхъ чтеній изъ Евангелія на понятномъ для вотяковъ глазовскаго района нарѣчій и организовалъ комиссію для переводовъ на вотскій языкъ; въ составъ этой комиссіи между другими входитъ отличный знатокъ вотскаго языка протоіерей села Парзи о. Петръ Мышкинъ. Переводы Св. Писанія и наиболѣе употребительныхъ молитвъ, сдѣланные въ 40 и 50-хъ годахъ XIX ст. являются уже устарѣвшими и мало понятными для вотяковъ.

— 24 декабря Преосвященнѣйшій Алексій, Епископъ Вятскій, Божественную литургію совершалъ въ Крестовой церкви. Великая вечерня, наканунѣ праздника Рождества Христова, совершена Преосвященнѣйшимъ Алексіемъ въ Каѳедральномъ соборѣ въ 2 ч. дня, въ сослуженіи соборнаго духовенства. По отпустѣ вечерни, протодіакономъ возглашено было многолѣтіе съ полнымъ титуломъ Государя Императора

— 25 декабря, въ праздникъ Рождества Христова, въ Каѳедральномъ соборѣ совершено торжественное Богослуженіе Преосвященнѣйшимъ Алексіемъ, Епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ, въ сослуженіи преосвященнаго Варсонофія, епископа Глазовскаго, и соборнаго духовенства. Молебствіе послѣ литургіи совершено было при участіи всего городского духовенства. На Богослуженіи присутствовалъ г. На-

чальникъ губерніи д. ст. сов. Н. М. Клингенбергъ, гражданскіе чины и представители всѣхъ вѣдомствъ. По окончаніи Богослуженія, Преосвященнѣйшій Алексій прослѣдовалъ въ свои покои, гдѣ Его Преосвященство привѣтствовали съ праздникомъ Рождества Христова г. Начальникъ губерніи, гражданскіе чины, представители города, все городское духовенство и начальствующіе духовно-учебныхъ заведеній въ г. Вяткѣ.

— 26 декабря Преосвященнѣйшимъ Алексіемъ, Епископомъ Вятскимъ, совершена Божественная литургія въ Крестовой церкви, при многолюдномъ собраніи молящихся.

— Наканунѣ новаго года въ Каѳедральномъ соборѣ, а также въ нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ, по желанію прихожанъ, въ 11 ч. ночи совершены молебствія. Въ Каѳедральномъ соборѣ молебствіе совершено было Преосвященнѣйшимъ Алексіемъ, Епископомъ Вятскимъ. «Слово» предъ молебствіемъ сказано преподавателемъ семинаріи А. А. Рукинымъ (напечатано въ семь №).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Ж У Р Н А Л Ъ

„Труды Кіевской духовной Академіи“

Будеть издаваться и въ 1901 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Иеронина и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ $\frac{2}{29}$ февр. 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библиотеку твореній св. отцевъ и учителей

церкви западныхъ“ рекомендовано для духов. семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., а за границу 8 р.

Адресъ редакціи журнала „Труды Киевской духовной Академіи“ въ г. Киевѣ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ профессоръ В. О. Пвннцкій.

ВОСЬМОЙ—1901-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПРАЗДНИЧНАГО ЖУРНАЛА

съ рисунками

„РАДОСТЬ ХРИСТІАНИНА“

при чтеніи Библии какъ Слова жизни.

(съ участіемъ свѣтскихъ писателей).

Промыслу Божию угодно, чтобы праздничный журналъ „Радость Христіанина“, при обилии новаго матеріала, продолжался въ болѣе улучшенномъ видѣ, благодаря особенному сочувствію къ направленію и задачамъ изданія читателей его.

Опредѣленный характеръ журнала,—съ его духомъ, направленіемъ и задачами,—неизмѣнно тотъ же, равно какъ и программа та же.—

Духъ времени, смущенный мрачными ученіями, ищетъ покоя, мира, свѣта и радости. Единственный источникъ духовнаго свѣта—Слово Божіе какъ *Слово жизни* (Филип. 2, 16; 2 Петр. 1, 19) и единственная религія мира и неземной радости—христіанская религія Бога Слова (Іоан. 15, 11); но хранилище этого небеснаго сокровища есть наша Православная Каѳолическая Церковь, — *Церковь Бога*

жива (1 Тим. 3, 15), „въ которой со временъ Апостольскихъ во всей своей первобытной чистотѣ возвѣщается и утверждается спасительная истина“.

Вызываемое такою потребностію времени, изданіе „Радость Христіанина“ имѣетъ въ виду: *общедоступными* разнообразными статьями, по руководству хранителей Свящ. Преданія, преимущественно первыхъ вѣковъ христіанства, способствовать правильному жизненному усвоенію истинъ Божественнаго Откровенія и огражденію Священнаго текста Библии отъ всевозможныхъ произвольныхъ толкованій, породившихъ печальныя явленія въ обществѣ, особенно среди нашего молодаго поколѣнія. „Да вселяется Слово живое и дѣйственное богато въ сердца всѣхъ труждающихся и обремененныхъ тажестію вѣка сего, какъ Слово отъ Устъ Самого Христа Церковію переданное, и да владычествуетъ чрезъ него въ сердцахъ миръ Божій, къ которому и призваны мы“ (Кол. 13, 16. Евр. 4, 12. Матѣ. 11, 28 Лук. 16, 8. Кол. 3, 15).

Книжки „Радости Христіанина“ имѣютъ предметомъ своимъ торжество праздниковъ, вызывающихъ, при освѣщеніи Библейскимъ ученіемъ, различныя свѣтлыя мысли и глубокія чувства.

Журналъ „Радость Христіанина“: 1) По распоряженію *г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода* высылается во всѣ духовныя Семинаріи и въ женскія училища духовнаго вѣдомства, состояція подѣ **ВЫСОЧАЙШИМЪ** покровительствомъ **ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ** 2) Рекомендованъ *Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія* „для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ изданіе, ознакомленіе съ которымъ учащагося юношества крайне желательно и полезно“. 3) Рекомендованъ *Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній* „для библіотекъ военныхъ училищъ и для библіотекъ двухъ старшихъ ротъ Кадетскихъ корпусовъ“.

Журналъ даетъ около 100 листовъ въ годъ—въ 12-ти книжкахъ, выходящихъ ко днямъ большихъ праздниковъ, начи-

ная съ праздника Рождества Христова—новаго года „Радости Христіанина“—Цѣна 5 руб., съ пересылкой 6 руб. Для сельскихъ священниковъ, училищъ и народныхъ библіотекъ 5 руб. съ пересылкой. Сельскіе священники уплачиваютъ до конца апрѣля.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Новая Басманная ул., квартира Протоіерея Церкви Св. Ап. Петра и Павла. Иногородные адресуютъ: Москва, редація журнала „Радость Христіанина“.

Редакторъ-издатель Протоіерей Андрей Григор. Полотебновъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1901 ГОДУ

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО РЕЛИГИОЗНО-НАЗИДАТЕЛЬНАГО ЖУРНАЛА

„ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КНИЖЕКЪ

„ТРЕЗВАЯ ЖИЗНЬ“

Съ 1 января 1901 года, Александро-Невскимъ обществомъ трезвости при Воскресенской церкви „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“, въ С.-Петербургѣ, по утвержденной Св. Синодомъ программѣ, будетъ издаваться новый журналъ „ОТДЫХЪ ХРИСТІАНИНА“ съ бесплатнымъ приложеніемъ книжекъ „ТРЕЗВАЯ ЖИЗНЬ“ (шесть разъ въ годъ).

Какъ извѣстно, хорошія книги имѣютъ великое значеніе для человѣка. Онѣ его истинные и неизмѣнные друзья, готовые дать отвѣты на его вопросы всегда—во всякое время, друзья, обладающіе способностью разогнать тоску, смягчить горе, зажечь искру вѣры и любви въ ожесточенномъ сердцѣ, обогатить умъ познаніями, научить не только какъ жить, но и какъ умирать. „Никто“, говоритъ одинъ писатель, „не можетъ провести часа за чтеніемъ хорошей книги, не сдѣлавшись отъ того лучше и счастливѣе и не только на это время; воспоминаніе о немъ остается

ся въ видѣ запасовъ свѣтлыхъ и добрыхъ мыслей, къ которымъ мы можемъ обращаться, когда захотимъ“. Давать читателю такое доброе чтеніе и ставить задачей своей „ОТДЫХЪ ХРИСТИАНИНА“. Онъ преслѣдуетъ двѣ цѣли—первую—укрѣпить въ людяхъ вѣру въ жизнь, научить любви къ Богу и ближнимъ и зажечь надежду на лучшее будущее,—вторую—обогатить умъ читателя—особенно простолюдина—нужными ему знаніями. Статьи будутъ печататься такія, которыя бы могли занять свободный досугъ читателя и предохранить его отъ той праздности, которая тысячами губить людей. Съ этой стороны журналъ является пригоднымъ не только для домашняго чтенія, но и для чтеній и бесѣдъ съ народомъ въ храмахъ, школахъ и народныхъ аудиторіяхъ.

Но принимая во вниманіе, что многимъ добрымъ начинаніямъ въ дѣлѣ нравственнаго просвѣщенія народа мѣшаетъ пьянство, редакція рѣшила присоединить къ „ОТДЫХУ ХРИСТИАНИНА“ особыя приложенія—одинъ разъ въ два мѣсяца—подъ особымъ заглавіемъ „ТРЕЗВАЯ ЖИЗНЬ“. Книжки этого приложенія имѣютъ въ виду раскрытіе того зла, которое приноситъ и государству, и обществу, и семьѣ, и самому пьяницѣ—его пьянство, призывъ къ борьбѣ съ пьянствомъ всѣхъ лучшихъ русскихъ людей. Разнообразіе статей этого приложенія дастъ возможность читателю, дѣйствительно, со всѣхъ сторонъ познакомиться съ этимъ страшнымъ „всероссійскимъ горемъ“, что зовется пьянствомъ, а борцу за трезвость дастъ въ руки богатый матеріалъ для всесторонней и интересной проповѣди идей трезвости въ народѣ.

„ОТДЫХЪ ХРИСТИАНИНА“ будетъ выходить ежемѣсячно книжками до 10 печатныхъ листовъ каждая, а приложеніе „ТРЕЗВАЯ ЖИЗНЬ“ шесть разъ въ годъ, тоже книжками по десяти печатныхъ листовъ каждая. По временамъ въ томъ и другомъ будутъ помѣщаться рисунки къ статьямъ.

Подписная цѣна **ТРИ** рубля въ годъ съ пересылкой.

Подписка принимается въ конторѣ **Александро-Невскаго общества трезвости: С.-Петербургъ, Обводный каналъ, д. № 116.**

Редакторъ, Священникъ *А. Рождественскій.*

ЦЕРКОВНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Приходская Жизнь“

на 1901 годъ.

Каждый православный, не потерявший связи со святою Церковью, знает, какъ дорогъ для русскаго человѣка „свой приходъ“ со святымъ храмомъ, съ приходскими праздниками, крестными ходами, съ роднымъ училищемъ при храмѣ и со всѣмъ строемъ приходской жизни.

Приходъ есть малое Христово стадо—неразрывная часть великой вселенской Христовой Церкви. Въ своемъ приходѣ православный христіанинъ можетъ получить все, что нужно для устройства благочестивой земной жизни и для приготовленія къ будущему вѣку, гдѣ всѣ члены Христовой Церкви сольются въ единомъ вѣчномъ царствѣ небесномъ.

Журналь „Приходская Жизнь“, программу свою обнимая всѣ стороны церковно-религіозной жизни православныхъ приходовъ, ставитъ своею задачею быть выразителемъ того, какъ въ приходахъ проповѣдуется и проводится въ жизнь Христово ученіе, какъ здѣсь устроается жизнь по уставамъ Церкви, какъ подъ руководствомъ Церкви здѣсь зиждется народное просвѣщеніе, совершаются дѣла благотворительности и ведется борьба съ лжеученіями, вредными обычаями и навыками.

Программа журнала.

I. Приходская проповѣдь. Въ 1900 г. въ этомъ отдѣлѣ помѣщено болѣе шестидесяти бесѣдъ, словъ и поученій на воскресные и праздничные дни и на разные случаи.

II. Жизнь по уставу Церкви. Здѣсь кромѣ статей о церковныхъ праздникахъ и постахъ, въ 1900 г. въ каждой книжкѣ печатались „Дни русскихъ Святыхъ“ по мѣсяцамъ, съ краткими жизнеописаніями русскихъ угодниковъ Божіихъ.

III. Приходская миссія: борьба съ расколомъ и сектами. Въ 1900 году въ этомъ отдѣлѣ, между прочимъ, помѣщена въ нѣ-

сколькихъ книжкахъ статья: „Какъ приходскому священнику бороться съ расколомъ“.

IV. Церковная школа и приходская благотворительность: статьи и замѣтки по вопросамъ православно-христіанскаго воспитанія и обученія дѣтей и по дѣламъ благотворительности; отчеты и свѣдѣнія о дѣятельности приходскихъ благотворительныхъ учрежденій и обществъ трезвости; статьи и замѣтки по разнымъ вопросамъ церковно-приходской жизни.

Журналъ выходитъ книжками отъ 3 до 4 печатныхъ листовъ одинъ разъ въ мѣсяць.

Цѣна съ доставкою и пересылкою два рубля въ годъ.

Журналъ издается въ г. Ярославль.

Адресъ для иногородныхъ: Ярославская Большая Мануфактура. Редакція журнала „Приходская Жизнь“.

У Сергѣя Алексѣевича Бѣлокурова

(Москва, Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностранн. Дѣлъ).

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ

НОВЫЯ ИЗДАВІЯ:

1) *Исторія Русской Церкви. Е. Е. Голубинскаго.* Первая половина II-го тома, обнимающаго время отъ нашествія Монголовъ до Митроп. Макарія включительно (1237—1563 гг.). VIII+919 страницъ въ 8 д. большого формата. Цѣна безъ пересылки 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 р.

2) *Краткое пособіе по Русской исторіи. В. О. Ключевскаго.* 2-ое изданіе, съ дополненіями. Ц. 60 к. съ пересылкой.

и 3) *О библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI вѣкѣ. А. Бѣлокурова.* Ц. 3 рубля съ пересылкой.

НОМЕРА КУКЛИНА,

вновь открытые съ 1 января 1901 г.

въ центрѣ г. ВЯТКИ, вблизи Царевскаго моста, по Набережной Монастырской улицѣ, въ собственномъ домѣ.

Пріѣзжающіе на своихъ лошадяхъ пользуются дворомъ, а для ямщиковъ кухни бесплатно.

Цѣны за номера отъ 30 коп.

О чемъ и имѣю честь извѣстить почтеннѣйшую публику

Иванъ Ивановичъ Куклинъ.

„Вятскія Епархіальныя Вѣдомости“ выходятъ два раза въ мѣсяць — 1 и 16-го числа. Цѣна годовому изданію въ Редакціи 5 руб., а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ и съ пересылкою въ другія мѣста 6 руб. За печатаніе объявленій въ одномъ номерѣ — за каждую строку 15 коп., а въ нѣсколькихъ номерахъ — по 10 коп. Цѣна каждаго отдѣльнаго номера 30 коп. Подписка принимается при Вятской Духовной Семинаріи.

СОДЕРЖАНІЕ. «Новый годъ — новое счастье» (Слово предъ молебствіемъ въ ночь на 1-е января). — Съ новымъ годомъ, съ новымъ столѣтіемъ. — На память о XIX вѣкѣ. — Иннокентій, архіепископъ Херсонскій. — Слово въ память столѣтія со дня рожденія Иннокентія, архіепископа Херсонскаго. — Хроника. — Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *А. Израилевъ.*

Редакторъ, преподаватель *Александръ Одоевъ.*

звонено цензурою. Вятка 29 декабря 1900 г.

Цензоръ Протоіерей *Николай Кувшинскій.*